

# Цескорка







22 апреля 1870 года в городе Симбирске родился Владимир Ильич Ленин. Во многих городах и сёлах нашей страны установлены скульптурные памятники любимому вождю.

**На снимке:** скульптура «Ленин и дети» — работа ленинградских скульпторов Г. А. Черниенко и А. Г. Овсянникова. Отлита из бронзы на ленинградском заводе «Монументскульптура» для пионерского лагеря в г. Луге.

Фото Н. Карасёва



Ежемесячное приложение к газете  
пионеров и школьников  
«Ленинские искры» — орган  
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,  
Областного и Городского Советов  
пионерской организации имени В. И. Ленина

Юрий Яковлев

Рисунки Ю. Лаврухина

## Где родился Ленин

На высоком берегу  
Дом стоит над Волгой.  
Он зимою весь в снегу  
От метели долгой.

Дом хотя и староват,  
Хоть и невысок он,  
Но приветливо глядят  
Десять ровных окон.

Затянуло окна льдом,  
Снег покрыл ступени.  
Этот дом —  
Не просто дом:  
Здесь родился Ленин.

Перед домом снег примят,  
Крепко утрамбован.  
Трубы белые дымят  
Облаком лиловым.

Чем-то тёплым и родным  
На морозе нахнет дым...

Этот дом нам дорог стал.  
Знают все в народе:  
В этом доме подрастал  
Маленький Володя.

Здесь он сделал первый шаг  
От стола большого.  
Здесь сказал —  
да громко как! —  
Он впервые слово.





Увидал впервые свет,  
Солнце,  
Волгу,  
Майский цвет.

Где-то здесь его кровать  
У стены стояла,  
Где-то первая тетрадь  
На окне лежала.

Перед этим камельком  
Брался он за дело.  
...Вот, прищёлкнув языком,  
Пламя загудело.

Наигравшись, в уголке  
Присмирел Володя.  
Смотрит в книгу,  
По строке  
Тихо пальцем водит.

А сейчас, раскрыв букварь,  
В этом доме старом  
Русый маленький волгарь  
Что-то шепчет с жаром.

Слышен волжский говорок,  
Окающий, звонкий.  
Учит мальчик свой урок,  
Примостясь в сторонке.

Это Ваня Пирогов,  
Паренёк толковый,  
Он из маленьких слогов  
Составляет слово.

Положил он, наклонясь,  
Локти на колени.  
Громко он прочёл сейчас:  
— Ле-нин —

Ленин!

Сквозь морозное стекло  
Мягкий свет струится.  
Ленинской семьи тепло  
В комнате хранится.

В этом доме небольшом  
Жил Ильич когда-то,  
А теперь здесь детский дом,  
Здесь живут ребята.

В шубах маленький народ  
Вниз бежит с крылечка,  
И в упряжке у ворот  
Ждёт их конь — «Колечко».

Уместились все с трудом  
В розвальнях на сене.  
Покидают дети дом,  
Где родился Ленин.

Есть в Ульяновске другой  
Дом такой же дорогой.  
В нём Володя тоже жил,  
Старше став годами.



Здесь он с книгами дружил,  
Занят был делами.

В этом маленьком дому  
Силы набирался,  
В нём народу своему  
Он помощь поклялся.

Рядом вязы встали в ряд,  
Дым растёт горою.  
Вот сюда-то и летят  
Сани с детворою.

Эту комнату зовут  
В честь гостей — гостиной.  
Стулья здесь давно живут,  
Жив рояль старинный.

И сегодня старый дом  
Ожил, как бывало,  
От гостей желанных в нём  
Даже тесно стало.

Руки в стороны — стоит  
Ёлка в хвое колкой,



А рояль уже звенит  
По соседству с ёлкой.

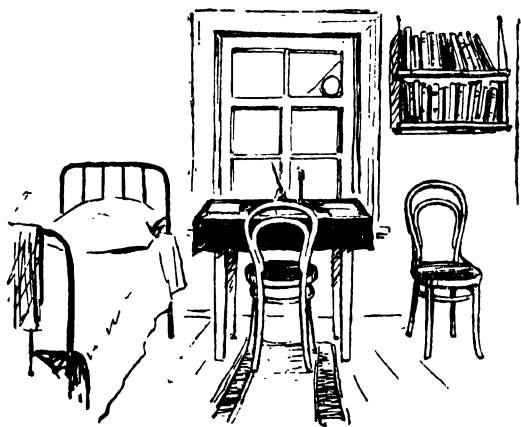
Веселятся все вокруг.  
Воск стекает талый.  
Почему-то Вани вдруг  
В комнате не стало...

Дверь слегка отворена  
В кабинет отцовский.  
Стол рабочий у окна,  
Стул со спинкой жёсткой.

Голосов не слышно тут,  
Тень ложится на пол.  
Тихо валенки идут,  
Мягкие, как лапы.  
Это — Ваня Пирогов.  
Не слышать его шагов.

Миновал он кабинет,  
Скрипнув половицей.  
Из столовой мягкий свет  
В щёлочку струится.

Лампа здесь под вечерок  
И тогда светилась,  
И сюда — на огонёк —  
Вся семья сходилась.



Так могучая река,  
Волга — мать родная,  
Началась из ручейка  
На холмах Валдая.

Догорел остаток дня.  
Конь замёрз без дела,  
На морозе у коня  
Стала чёлка белой.

Зимний город весь в  
огнях.

Ёлки в окнах светят.  
Из гостей домой в санях  
Быстро мчатся дети.

По ступенькам, не спеша,  
Ваня кверху всходит.  
Заглянул он, не дыша,  
В комнату Володи.

Им в лицо, искрясь, летит  
Снег морозный, колкий.  
Ленин бронзовый стоит  
Высоко над Волгой.

Здесь застелена постель  
Белым покрывалом,  
Словно свежая метель  
В доме побывала.

И сверкает белизной  
Кафельная печка.  
А на карте — шар земной.  
Стол. Подсвечник. Свечка.  
Рядом полки книжные:  
Верхняя и нижняя.

Ваня бережно рукой  
Тронул дверь вначале  
И попробовал щекой —  
Печка горяча ли?

От волненья гулко в грудь  
Сердце застучало...  
Ленина великий путь  
Здесь берёт начало.



# Вихорок

РАССКАЗ

**ЧИБИСЫ...** Когда бы ни увидел я этих красивых птиц-своевольниц, всегда вспоминаю родные места и Вихорка — друга детства...

Однажды летним утром кто-то осторожно постучал в окно, у которого стояла моя кровать.

«И кого это только несёт?» — подумал я.

Стук повторился:

«Тук-тук-тук...»

Считаю — три раза. Вихорок?! Как-то он мне говорил: постучат трижды — значит, я. Совсем ещё сонный встаю с постели, открываю окно — так и есть Вихорок! Стоит и, как обычно, поглаживает волосы.

Настоящее имя Вихорка — Василёк. А Вихорком мы прозвали его за то, что у него на белёсой голове всегда торчал вихор непокорных волос. Василёк был на два года старше меня. Его раньше приняли в пионеры, и он долгое время был у нас, тогда ещё октябрят, вожатым и зачинщиком всех наших ребяческих забав.

— Ты чего стучишь такую рань? — недовольно спрашиваю его.

— Витя! Вставай! Пойдём скорее к мосту. Знаешь, как там речка разлилась? Весь луг затопила.

— Ну, это ты брось. С чего бы ей разлиться? Не весна ведь — лето, — возражаю ему.

— Знаю, что не весна. А на лугу — море. Сам видел, когда к тебе шёл. Дедушка говорил, что вверху по реке на бывших панских прудах кулаки плотину взорвали. Вот и разлилась вода.

Сон мой как рукой сняло.

— Держи! — бросаю в окно одежду, а за ней и сам спрыгиваю к Васильку.

Через несколько минут мы уже мчались к мосту. По дороге к нам присоединилось ещё несколько ребят.

Показался мост. Он соединял неширокую дамбу-дорогу, которая тянулась через луг к соседней деревне. Вода поднялась к самому дощатому настилу моста. Василёк был прав: на лугу действительно бурлило море, по которому плыли доски, брёвна.

На дамбе и мосту собрались колхозники с баграми, топорами, лопатами. Среди них стояли наши родители и председатель колхоза Никита Павлович Седоус. Как всегда, он был одет в галифе и голубую рубашку, правый рукав которой аккуратно заправлен за ремень: у Никиты Павловича нет руки. Это в него минувшим летом стреляли кулаки.

Никиту Павловича мы очень любили. Когда бы его ни встретили, он всегда остановит, поговорит с нами. Часто председатель приходил на наши сборы, рассказывал интересные истории о гражданской войне и пел с нами песни. Но теперь ему было не до нас. А тут ещё колхозный конюх, дед Михей, закричал:

— Бревно несёт! Приготовься!

Мы бросились к перилам. Колхозники ловко зацепили бревно баграми и не без усилий вытащили его на берег.

Над соседним селом поднялось солнце. Опасность мосту и дамбе больше не угрожала. Вода ещё бурлила, но все видели, что напор её уже спал.

— Ну, товарищи, идём! — позвал колхозников Никита Павло-

вич. — Теперь мост и без нас устоит.

Обратившись к нам, председатель добавил:

— А вы, милейшие, на мосту стойте, но к воде не лезьте, а то здесь такая стремнина, что и до беды недалеко.

— Этим «милейшим» спать бы да спать, — сказал дед Михей, — а они уже на ногах. И зачем пришли? Как говорят, лошадь по делу, а жеребёнок — за ней, — старик махнул рукой. Он сердился на нас: кто-то из мальчишек несколько дней назад отрезал у него кусок вожжей для кнута. Простить такого дед не мог.

— Это ты, Михей Иванович, напрасно, — заступился за нас Никита Павлович. — Пусть видят и помнят, как нам кулачье жить мешаает. Им ведь передадим все наши дела.

Ничего не ответив, дед Михей взял свой топор и зашагал к селу.

Скоро колхозники разошлись. На мосту остались только мы.

— Смотрите! Смотрите! Птица в воду бросается! — крикнул Петрусь, внук деда Михея.

Над водой летал чибис. Птица то падала камнем к серому комочку, плывущему по воде, то вновь взлетала и пищала жалобно-жалобно: «Ки-ги! Ки-ги!»

— Ведь это её гнездо плывёт, — проговорил Василёк.

— Ну, погибло оно: затянет, — тихо добавил кто-то из нас.

За мостом, где речка ужом поворачивала от нашей деревни в луга, какая-то страшная сила крутила воду и втягивала в свой водоворот всё плывущее по реке. Старики рассказывали, что в этом месте живёт водяной, дед Вирун. Этим сказкам мы не верили, но знали, что выбраться из водоворота очень трудно.

Когда гнездо подплыло близко к мосту, мы увидели в нём маленьких птенцов.

«Ки-ги! Ки-ги!» — кликала мать чибисят, словно призывала нас на помощь.

— Что же делать? Хоть бы какой-нибудь шест найти, чтоб задержать гнездо, — промолвил Василёк.

Но ничего не было. Гнездо занесло под мост. Мы бросились к противоположным перилам. Вот оно выплывает. В этот момент мы услышали всплеск воды. Никто из нас сразу не мог понять, что произошло. Но скоро на поверхности оказалась голова Василька.

— Куда ты, Вихорок! Вернись! — закричали мы.

Но Василёк не обратил на наш крик никакого внимания. Быстрыми бросками он приблизился к гнезду. Уже несколько метров осталось до поворота, а там — страшное место. Мы не на шутку испугались за судьбу товарища.

— Скорей! Скорей! — летело с моста.

Ещё минута — и Василька затянет. Он уже подхватил одной рукой гнездо и повернул к берегу. Но мы видели, что усилия Василька напрасны: он не двигался с места. Может быть, у него не осталось больше сил, а может, ему мешало плыть то, что грёб он теперь только одной рукой.

— Бросай гнездо! Брось, Вихорок! — кричали мы другу.

Но Василёк не бросал его, продолжая бороться со стремниной. Взмах руки! Ещё! Ещё!

«Ки-ги! Ки-ги!» — раздавалось над рекой.

Вдруг Василёк исчез под водой. Оставалась видна лишь рука, крепко державшая гнездо. И здесь все мы, мальчишки, столпившиеся на мосту, бросились на помощь Васильку. Но помощь наша была ему не нужна. Проплыв под водой несколько метров, он был уже возле берега.

— Ты что, — набросились мы на дрожащего от холода Вихорка, — утонуть захотел?

— Ждать ведь больше нельзя было... — только и смог он проговорить...



С ТОГО времени прошло много лет. Совсем недавно я побывал у себя на родине. Деревню нашу не узнать. Новые дома колхозников, радиоузел, электростанция. В центре двухэтажная красивая школа.

Ну, как не зайти?

И вот я среди ребят в пионерской комнате. Передо мной на тумбочке лежит альбом. На нём надпись: «Летопись пионерской и комсомольской организации деревни «Слобода».



— Это мы во время летних каникул сделали, — разъяснили мне ребята.

На первой странице — фотография человека в военной форме. До чего ж знакомы черты лица!

«Василий Михайлович Зенченко», — читаю надпись на снимке.

Вихорок! Наш Вихорок! Он почти такой же, как и в те далёкие детские годы. Рядом со снимком вырезка из газеты военного времени.

«...Шёл бой за высоту Н., — общала газета. — Атака нашей роты захлебнулась. Враг поливал свинцовым дождём. Даже головы нельзя было поднять. Ряды бойцов редели с каждой минутой. Погибли

командир роты Киреев, комиссар Зоринов. И вот тогда первым поднялся в атаку молодой коммунист Василий Михайлович Зенченко, а за ним — вся рота. Высота была взята. Но Василия Михайловича Зенченко не стало: вражеская пуля остановила сердце мужественного сына партии...»

Вихорок! Вихорок! Смотрю на портрет друга, и мне кажется, что слышу его голос, слышу, как он говорит:

«Ждать ведь больше нельзя было...»

Перевела с белорусского  
Дина ЗАХАРОВА



## З А Г А Д К И

Не куст, а с листочками,  
Не рубашка, а сшита,  
Не говорит, а про всё  
рассказывает.

★

На землю упало  
Белое покрывало;  
Весна настала —  
И покрывала не стало.

★

Зелена, а не луг,  
Бела, а не снег,  
Кудрява, а без волос.

★

Железный нос  
В землю врос;  
Роет, копает,  
Почву разрыхляет.

По морю голубому  
Гуси серые плывут.

★

Кто больше всех  
Воды пьёт?

★

Лежит ковёр —  
Большой-пребольшой,  
А никто не ступит  
На него ногой.

★

Железный конь,  
В животе огонь,  
Овса не просит,  
Пашет, сеет, косит.

★

Зубаст, а не кусается,  
Как он называется?

## СКВОРЦЫ

Прорвались первые ростки,  
Сверлит ручей сугробы

звонко.

Зимы последние куски  
На свалку повезла трёхтонка.

На голых ветках, на виду,  
Скворечни — труд мальчишек  
здешних

Зря не пропал.  
Смотри, в саду  
Жилплощадь занята  
в скворечнях.

Так рада птицам детвора!  
Бегут навстречу  
паспортистке:  
— Любовь Семёновна, пора!  
Похлопочите о прописке!

## ВЕСНА

Небо стало и выше и чище.  
Вдоль по улице бродит  
апрель.

Солнце звонкое  
Капает с крыши  
На заснеженную панель.  
Чу! ручей заиграл на свирели.  
Перед окнами  
Тополь поёт  
О могучей весенней капели,  
До земли пробивающей лёд.



## ОЗИМЬ

Никак с зимою солнцу  
не расстаться:

Март на дворе,  
Но холодны лучи.  
Напрасно ивняку в предзорье  
снятся

Ещё не прилетевшие грачи.

Ушёл с метелью в дружбе  
День вчерашний,  
Овраг наполнил снегом  
по края.

Казалось, нет весны,  
Но снег на пашне  
Зелёные проткнули остря.

Их не страшат трескучие  
морозы,  
Сумёты, наметённые вокруг.  
В корнях и лепестках  
Всю зиму озимь  
Хранила теплоту рабочих рук.



**3** ИМНИМ мартовским днём 1957 года раздался телефонный звонок. — Алло, это Ленинград? Здравствуйте, говорит Демидов из Минска. Письмо ваше получил. Большое спасибо за приглашение. На днях с женой приеду к вам. Ждите.

И вот Саша Демидов впервые в Ленинграде. Несмотря на мороз, он ходит без шапки: её заменяет густая шевелюра вьющихся чёрных волос. С Сашей и его женой мы гуляем по улицам любимого города, катаемся с ледяной горки в ЦПКиО, смотрим спектакль в Театре музыкальной комедии, представление в цирке. И всюду весёлого, улыбающегося парня, окружают сотни неизвестных друзей. Они горячо жмут ему руку, приглашают к себе в гости. Некоторые думают, что молодой негр приехал из-за границы. Но, услышав, что он очень хорошо говорит по-русски, удивляются и подробно расспрашивают, как он очутился в Советском Союзе.

Мы были знакомы с ним и раньше, но только по письмам. При встрече Саша вспомнил, что пришлось пережить ему, негритянскому мальчику, прежде чем он стал гражданином Советского Союза, комсомольцем.

С особым волнением и гордостью говорил о том, как работает помощником машиниста первого класса паровозного депо Минска и одновременно учится на заочном отделении Всесоюзного института инженеров железнодорожного транспорта.

Об испытаниях и приключениях Саши Демидова, о людях, которые помогли ему найти место в жизни, мы решили написать эту повесть.

АВТОРЫ



Александр Демидов



Саша — сын А. Демидова.



# Отверженный

Часть первая

«ДЯДЮШКА... БОЛЬНО...» ◆ ДРАКА НА ПЛОЩАДИ. ◆  
ЛИНА И ЕЕ МАМА. ◆ ЧТО СПРЯТАНО В ОКОВАННОМ  
СУНДУЧКЕ? ◆ «В УГОЛ!»

**В**ИТОЙ кожаный хлыст, рассекая воздух, впился в распластанное на скамье тело ребёнка.

— Ой, дяденька, не надо!.. Не надо!.. Ай!..

Захлёбываясь от слёз, темнокожий мальчик лет восьми выкрикивал по-русски:

— Дядюшка, миленький... Больно!..

Пожилой грузный мужчина с короткими усиками повесил плеть на крюк, ввинченный в стену ванной комнаты.

— Будешь знать, негритянок отродье, как дерзить мне! Пшёл вон!

Всклипывая и придерживая руками штанишки, мальчик проковылял на кухню. Вслед за ним вошла полная женщина с тонкими накрашенными губами, в кокетливо надетой шляпке. Подёргала запертую дверцу шкафа, уложила связку ключей в сумочку и повернулась к мальчугану:

— Ну что? Будешь слушаться? Не забудь индюшку почистить. И не вздумай уходить!

В кухню заглянула девушка в белом платье:

— Маман, вы скоро?

— Скоро, Лёлочка.

Увидев ребёнка, девушка прищурила глаза и усмехнулась:

— Что, Сашка, опять пороли?

Не отвечая, тот забрался на нары в углу и прилёг, пытаясь сдерживать всхлипы, сотрясавшие тело.

Стукнула парадная дверь, щёлкнул ключ. Ушли...

Саша сполз с нар, отворил «чёрную» дверь и вышел во двор. В дальнем углу протиснулся в подкопанную под забором яму и выглянул на улицу. Солнце уже покатилося за горы, окружавшие югославский городок Бор. Тень их напозла на

узкие, кривые улицы, на приземистые покосившиеся домишки в один-два этажа. Поднимая пыль немощёной мостовой, мимо мальчика шли люди в тяжёлых рабочих ботинках. Посасывая трубку, шагал высокий белокурый человек в парусиновых штанах, цветном платке на шее и вязаной выцветшей фуфайке. Две невысокие женщины перекидывались шутками с обгонявшими их парнями. Угрюмо глядя в землю, тяжело шагали мужчины в латаных холщовых рубахах с вышивкой на груди.

Гортанный сербский говор перекликался с певучим итальянским, твёрдым и чуть тягучим русским... А руки у всех были натруженные, мозолистые. На землисто-цветных лицах застыла усталость. Это возвращались со смены горняки. Позади остались унылые, голые отвалы, теснившиеся на выжженном ядовитыми испарениями склоне горы, высокие трубы медеплавильного завода с вывеской над решётчатыми воротами «Французское акционерное общество». Эта вывеска встречалась часто на улицах городка, почти всё взрослое население которого служило компании.

Мальчик выбрался на улицу, перепрыгнул через канаву. Обгоняя прохожих, он пересек площадь и за коулками вышел на окраину. Отсюда тянулася глинистая дорога, в которой в дождливую погоду увязали ноги. Дорога вела через кукурузные поля в горы, покрытые густыми лесами.

Глядя на эту дорогу, мальчуган расправил плечи. Здесь, на окраине, он становился на час-другой сам себе хозяином.

Издали до него донеслись азартные мадльчишечьи возгласы:

— Бита! Давай!

— Ставь! Я бью!

Не вытерпев, Саша припустился бегом. Обогнул ветхий сарай у дороги и оказался на небольшой площадке, служившей, по-видимому, свалкой. Тут валялись ржавые куски железа, ломаная деревянная кровать. Пружины старого матраца торчали в разные стороны, словно детали какой-то загадочной машины. И только небольшое место, прижатое к сточной канаве у края дороги, было свободно. На нём-то и расположилась ватага ребят.

Саша, одетый в латаные короткие штанишки, сандалии со сбитыми носками и белую ветхую рубаху, не отличался ничем от них. Только худенькие мускулистые руки, видные из-под закатанных рукавов, да лицо были чернее цветом. Правда, почти никто из собравшихся здесь обитателей бедняцких кварталов не мог похвастать белизною кожи, опалённой жарким солнцем.

От канавы тянуло смрадом, гнилью дохлых крыс, которых мальчишки, пошвыряв друг в друга, сбрасывали в воду.

Ребятишкам здесь нравилось: никто не мешал, никто не покрикивал, не гонял, не давал подзатыльников. Тут они могли валяться на солнце, играть в войну и в бандитов — куски железа были отличным оружием. Отсюда они отправлялись в набеги на сады близлежащих к городу хуторков. И здесь, разведя костёр, вечно полуголодные, они жарили воробьёв, сбитых пушенными из рогатки камнями.

Обычно воробьёв делил на части Боб Дроздовский. В свои двенадцать лет он был самый справедливый и самый сильный, и ему подчинялись не споря. Сейчас он лежал около ребят, кидавших стеклянные шарики, и вместе с ними наблюдал за игрой.

Саша сунул руку в карман... и сплюнул. Все стеклянные пробки от лимонадных бутылок, выигранные им за последние два дня, дядька опять вытряхнул из его штанов и выкинул в уборную.

Играть было не на что. Саша огляделся — чем бы развлечься? Полез за пазуху и вытащил рогатку: он успел её припрятать от дядьки под нарами в тайничке. Подобрал с земли несколько камней, огляделся. На ближнем, одиноко стоявшем в поле дереве сидела ворона. Почти не целясь, оттянул резинку и выстрелил.

Ворона с пронзительным криком свалилась. Так же метко он попал в установленное на одной из куч днище сломанной кастрюли. Потом навалился животом на торчавшую из земли согнутую железную трубу.

Но сегодня всё это мало развлекало — ребята были заняты игрой, и ему всё больше и больше хотелось принять в ней участие. Наконец, когда стало невозможно, подошёл поближе. Эх, было бы на что играть, он бы всем утёр нос, как прошлый раз!

Смуглый крепыш припал к земле. Затаив дыхание, щёлкнул по шарикку и загнал его в ямку. Звякнули лежавшие там «ставки» противников. Мальчик выгреб их и подмигнул годсевшему рядом Саше:

— Видал? Будут знать Драгана! А ты почему не играешь? Хочешь одолжу пробку? На...

— Давай!

И, забыв горести, чернокожий мальш посмотрел на ребят:

— Ну, кто со мной?

— Клади ставку! — Угловатый подросток лет двенадцати с низким лбом и мясистыми губами шлёпнул битой о землю.

Гулко застучало сердце Саши, вялыми стали руки, противная дрожь охватила тело. Опять... Опять придётся драться! Толстогубый выше его намного, у него увесистые кулаки, и сколько раз, сморкаясь кровью из расквашенного носа, забивался Саша куда-нибудь подальше от сочувственных взглядов ребят, стараясь сдержать злые слёзы! Не задумывался, отчего невзлюбил его Олег, но с каждой потасовкой всё больше ожесточался.

Пусть бьёт, а он ему всё равно не поддастся. И со сжимающимся от



тоскливого предчувствия сердцем Саша крикнул:

— Давай!

Но как Саша и ожидал, едва бита влетела в ямку, Олег отпихнул его и заорал:

— Ты сжулил, черномазый! — и плюнул ему в лицо.

Сжав в руке подхваченный с земли камень, Саша подошёл вплотную к Олегу, и не успел тот сообразить и защититься, что есть силы ударил его по голове. Кровь тонкой струйкой потекла по лбу из рассечённой кожи.

Олег хватился рукой за голову, посмотрел на ладонь. Взвыв от боли и страха при виде крови, раскрыл на ходу выхваченный из кармана перочинный нож и бросился на Сашу.

— Эй, стоп! — Старший из подростков ухватил Олега за ногу и сильно потянул к себе.

— Пусти, Бобка!.. Я ему...

— Сам получишь, понял? — Боб Дроздовский легко вскочил с земли.

— Он тебя трогал?

— А это что? Это что? — дрожащим голосом вопил Олег, показывая на рассечённый лоб.

— Правильно сделал. Чего тебе от него нужно?

— А чего он лезет играть с нами? Пусть своих черномазых ищет!

Если бы Олега Харева спросили, чем ему мешает цвет Сашиной кожи, он не сумел бы ответить. Но Олег люто ненавидел этого худощавого мальчишку с густой шапкой чёрных, словно из витых пружинок, волос, с огромными смышлёными глазами. Может быть, не отдавая себе отчёта, он ненавидел Сашу за меткость, за удачливость в игре.

— Ну и подлюга же ты, Олежка! — Боб замахнулся на толстогубого. — А я Сашку на трёх таких, как ты, не променяю. Понял?

Одобрительно засмеялись стоявшие рядом ребята — грек Ерго, сербы Драган, Пэрб, Игорь Попов из русского квартала.

Олег злобно оглядел их и, повернувшись, пошёл прочь. Уже за-

ворачивая за сарай, выкрикнул, размазывая на лице кровь:

— Я с тобой ещё рассчитаюсь, черномазый!..

Драган брякнул зажатými в горсть пробками:

— Ну, кто играет?

— Давай, — потянулся Пэрб.

Саша присел в стороне. Ему уже не хотелось играть. Подобрал с земли щепку, стал водить ею по мягкой, усыпанной серой пылью земле.

В Боре жило несколько десятков русских семей, разными путями попавших в Югославию. Некоторые, как отец Боба Дроздовского, приехали на заработки ещё совсем молодыми парнями и работали на руднике.

Отец Олега Харева, как и Сашин «дядька» Андрей Алексеевич Шереметьев удрали сюда в гражданскую от Красной Армии. В Боре Харев служил надсмотрщиком на руднике и бахвалился чином казачьего офицера. Напившись, он иногда приходил к Шереметьевым. И едва его круглые, бешеные глаза замечали Сашу, как он с силой вытягивал мальчика короткой тростью, норовя попасть по лицу, и, ухмыляясь, повторял одно и то же:

— Пардон, я думал, что черномазый — месё большевик?..

С дядькой Шереметьевым и его приятелями Харев за полночь играл в преферанс. И до Саши доносились в кухню слова, которые говорил, икая, Харев:

— Наше фабричное хамьё — одна банда. Ух, добратсья бы до всех «товарищей пролетариев»!..

С тех пор как Саша помнит себя, он всегда жил на Нишской улице, в доме Шереметьевых.

У него не было никого из родных. Может, они умерли и «дядя» (так приказывал себя называть Шереметьев) приютил его.

— ...Эй, Алекс! — закричал появившийся вдруг из-за угла парнишка. — Там твой дядька идёт.

— Врёшь?

— Хочешь, закланусь?

Саша бросился бежать. Вот уже площадь, скоро дом, и он будет в





безопасности. Завернул за угол и отпрянул: перед ним, осклабясь, стоял Олег Харев:

— Ага, влип?

— Отойди, — потребовал Саша.

— Выпущу из тебя кровь, тогда отойду...

Ждать было нельзя, и малыш молча бросился вперёд, норовя попасть врагу головой в живот. Но тот успел ухватить его за шею. Тогда, изогнувшись, Саша вцепился ему в ногу и дёрнул к себе. Оба полетели в пыль. Прижав Сашу к земле, Олег потряхнул его за рубаху. Она с хрустом разорвалась в нескольких местах. «Ну, будет мне дома, — мелькнуло в голове у Саши. — Во гад!..»

И из последних сил он попытался вырваться.

Толстогубый навалился на него всем телом, схватил за горло. Стало трудно дышать, какая-то пелена застлала глаза, сердце гулко застучало.

— Мама, мамочка, он задушит Сашу! Скорее! Скорее! — слышался крик какой-то девочки,

— Это что такое? Сейчас же оставь его! Слышишь?

Кто-то оторвал руку врага, оттянул его в сторону.

Саша поднялся, отплёвываясь пылью, утирая рукавом рваной рубахи лицо.

Глухо выругавшись, Олег скрылся за углом. Женщина лет сорока с высоким лбом и голубыми, чуть на выкате глазами, морщась, словно ей самой было больно, осторожно сняла пыль с широкой ссадины на скуле мальчика. Рядом с ней стояла девочка Сашиного роста с такими же, как у матери, глазами. Девочка гневно кричала вслед Хареву:

— Бандит! Трус!..

Пухлые щёки её горели. Взглянув на Сашу, она ахнула:

— Мама, смотри, рубаха как порвана! — Девочка потянулась к уху матери: — Дядя Андрей опять его избьёт!

— Да... Плохо его дело. Ну, вот что. Попробуем помочь беде, Пойдём-ка к нам,

— Мама, а если дядя Андрей вернётся?

— Нет, Линочка, он сегодня надолго в гости ушёл — на день рождения. Ну, идите вперёд!

Дядя Андрей... Человек, которого Саша боялся и не любил, был дядей Лины, родным братом её матери. А для них Саша был готов на всё. Почему? Да, вероятно, потому, что только с их появлением в дом на Нишской улице входили и для него тепло и ласка. Лакомства, незамысловатые игрушки Лины, тёплое прикосновение рук её матери — всё это было так необычно и так нужно мальчику. А теперь впервые он шёл к ним домой.

В комнате мать Лины, Вера Алексеевна, помогла Саше снять рубаху и, присев в углу широкой тахты, собралась чинить. Щёлкнул выключатель. Широкий жёлтый круг света из-под абажура вывел из вечернего сумрака плотные ряды книг на полках, коллекцию камней и портрет молодого человека в форменной фуражке со скрещёнными молоточками у козырьков.

Лина показала на портрет:

— Это мой папа. — И вздохнула.



— Он умер, когда мы приехали сюда.

— А ты видала его?

— Я была совсем маленькая... У нас много его фотографий.

— Покажи.

— Мама, можно, я покажу Саше альбом?.. Мы осторожно.

— Можно.

Вера Алексеевна протянула два небольших ключа.

Из-под кровати Лина вытянула окованный сундучок. Саша слез с тахты и подошёл ближе:

— Давай помогу.

— Уже всё. Смотри. Он с секретом.

Девочка вставила ключ не в замочную скважину, а в едва заметное отверстие внизу, в левом углу сундучка, а затем в правый нижний угол. Крышка с грохотом и звоном откинулась, заставив Сашу в испуге отпрыгнуть.

Лина засмеялась, но тотчас умолкла, увидев, что Саша насутился, и торопливо пояснила:

— Понимаешь, там, в России, папа прятал в сундучке свои карты. Знаешь, они какие важные? Он отмечал на них места, где находил всякие драгоценные камни. Да, мама?

— Почти так...

— От кого прятал? От бандитов? — Саша заинтересованно рассматривал крышку.

— Ага! Сколько раз у него хотели украсть карты! Его два раза даже сильно ранили.

Саша заглянул в сундучок. Между перегородками ящичков с наклейками лежали камни, аккуратно обёрнутые в вату, чёрные матовые пластины, отражавшие Сашины глаза, как в зеркале.

Между тем Лина достала лежавший сбоку альбом и открыла первый лист. Рослый, худой человек, в котором Саша сразу признал отца Лины, в шапке с опущенными ушами, в охотничьих сапогах, держал в одной руке молоток на длинной ручке, а в другой — небольшой камень. Усмехаясь, он смотрел на них, при-

слонившись к скале с торчащим, как нос, выступом.

— А в этом доме родилась моя мама. Она с папой жила в нём. — Лина показала на фотографию четырёхэтажного дома с высокими прямоугольными окнами, широким парадным. Такого здания Саша в Боре никогда не видел.

Лина указала пальцем на открытое окно третьего этажа, где виднелась улыбающаяся женщина.

— Это мама. А я родилась в Боре. Но мама говорит, что моя родина там.

— Где?

— В Петрограде.

— В Петрограде? Это где?

— В России. Ты не знал?

Саша пристально взгляделся в фотографию. Она была вся покрыта какими-то извилистыми линиями, и в одном месте, у окна второго этажа, стоял чёрный крестик.

Саша хотел было спросить, что это за крестик, но Вера Алексеевна позвала его:

— Давай наденем рубаху. Только, чур, больше не драться! Лина, там конфеты в буфете, угости Сашу на дорогу: тебе, малыш, пора домой.

...Прошла ночь. Едва чёрный покров её стал переливаться в пепельно-серую дымку рассвета, Саша приподнялся на нарах. Запустив руку в густую шевелюру, потряс голову. А глаза всё не открывались. И лишь надсадный кашель из внутренних комнат смёл Сашу с нар. Натянув одежку, он зашлёпал через кухню во двор. Начинаясь его обычный день... Кормёжка кур, индюшек, чистка их клеток. Мокрой тряпкой он подтирает пол на кухне. На обычном месте берёт кусок хлеба и две картофелины. Торопливо жуёт их, затем на носках прокрадывается в столовую. Удача! Забыли убрать сахарницу. Он запускает в неё руку. Горсть пилёных кусочков у него за пазухой.

Схватив брезентовый портфель, он мчит в школу. Уже никого из ребят нет на улице. Саша бежит что есть духу. Вот двор, деревянный



одноэтажный дом школы. Отворив дверь, он заскакивает во второй класс.

— А, пожаловал! Ну, как спал?

Учительница, маленькая, сухая, с тонкогубым ртом, подбирается к Саше, держа руки за спиной. Голос её вкрадчив. Вдруг она схватила его за ухо.

— Ой! — корчится от боли Саша.

— А! Я тебе покажу, как опаздывать! Ты будешь вставать вовремя, как все дети! Иди на место!

Сидя за партой, Саша пытается заставить себя слушать урок. Но страшно хочется спать. Монотонный, скрипучий голос учительницы так и укачивает. Саша умеет дремать совсем незаметно для других: глаза его полуоткрыты и смотрят перед собой.

— Шереметьев, повтори, что я сказала?

Сосед толчком в бок будит Сашу. Тот мутным взглядом обводит класс — что учительница хочет от него? Кто-то подсказывает сзади, но Саша не понимает. Да и к чему: у него есть отличная защитная формула:

— Мария Николаевна, я не понял.

— У-у, тупица, бездарь! — шипит Мария Николаевна. — Иди в угол!

— Вот, дети, неправда ли, это для него самое подходящее место.

Большинство не отвечает, кто-то хихикает, и только Олег Харев хочет на задней парте.

— Харев, не ори! — кричит Мария Николаевна. Она бы с удовольствием поставила этого второгодника в угол, но в память врезался скандал, учинённый Иваном Петровичем Харевым в первый же раз, как она попыталась наказать его сына.

— Я не позволю унижать достоинство своего ребёнка! Не для того я бросил всё в Совдепии, чтобы из моего сына делали шута горохового! Хватит с меня и того, что он сидит в классе с черномазым!

Зрочки его при этом так страшно вращались, что Мария Николаевна едва удержалась, чтобы не удрать за дверь.

Но с Шереметьевым ей не к чему себя сдерживать: всем своим пове-

дением мальчишка, по её мнению, ещё раз подтверждал теорию о недоразвитости и низких умственных способностях негров... Недаром же во всех романах, которыми она читывалась, негры, китайцы и прочие люди жёлтой и чёрной расы были лишь слугами — рикшами, чистильщиками сапог, официантами и лишь иногда для забавы белых господ играли в джазах. И зачем Шереметьева только посылают в школу! Ведь ясно и так, что ему никогда ничему не научиться.

— Будешь стоять весь урок! — приказала учительница Саше.

— Федько, — вызвала она к доске худую высокую девочку, — запиши сегодняшний урок. Ну, какое сегодня число?

Девочка аккуратно, с нажимом вывела на доске:

6 апреля 1940 года.

— А... а... а... — Надсадный женский крик под открытым окном прервал ленивое течение занятий. — Немцы бомбили ночью Белград! Будь они прокляты!..

## II

### СЛОВО, КОТОРОЕ ПРОИЗНОСИЛИ ШЕПОТОМ.

#### ◆ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СОБИРАЕТСЯ В ПЕТЕРБУРГ.

#### ◆ АЛЬБОМ ОЧУТИЛСЯ У САШИ.

— ХАЛЬТ! Стой, кто идёт? — Мерно топают в вечерних сумерках по улицам Бора патрули. На руках солдатских шинелей повязки с белым кругом, в котором гнездится паучья фашистская свастика. Солдаты держат автоматы на изготовку.

В маленьком городке беспокойно оккупантам. В тот летний день, когда прибыла новая немецкая часть, раздался глухой взрыв, и в горах над Бором рухнули, как картонные домики, рудничные постройки. Рудник надолго перестал давать медь.

Ночью Саша проснулся от криков. Он прильнул к окну: где-то недалеко полыхали огромные коптящие языки пламени. Вскоре пришёл дядька. Он чертыхался: помогая тушить пожар, опалил руку. В

ту ночь сгорели два огромных резервуара с нефтью.

Тогда и появилось в городе новое слово — партизаны. Они были где-то недалеко в горах, в густых лесах, окружавших Бор. Это слово произносили шепотом в домиках и бараках рабочих. Его читали, молча шепеля пересохшими губами, на табличках, прикрепленных к груди юноши и пожилого мужчины, чьи тела раскачивал ветер на фонарных столбах у базара.

Вместе с Бобом Дроздовским Саша ходил поглазеть на усталых и равнодушных болгарских солдат, очень схожих внешне с местными жителями. Болгары, пришедшие сменить немецкий гарнизон, были на постах у пекарни, продовольственного склада, школы, которую



превратили в казарму. Немецкие солдаты с автоматами попере́к груди стояли лишь у нескольких домов и вытягивались с каменными лицами, когда мимо них проходили вылощенные офицеры. У дверей этих домов висели новые вывески: «Комендатура», «Полиция».

Появились новые таблички и на дверях домов. В них значились фамилии и национальность проживающих. На доме Шереметьева табличка вслед за перечислением членов семьи гласила:

«Шереметьев Александр, негр, 1932 года рождения, Африка...»

— Я выброшу его, как собаку, — рычал в тот же вечер Андрей Алексеевич, стуча кулаками по столу. — Идиот я, пригред у себя эту дрянь! А? Свяжут моё имя с этим негритосом, ведь свяжут!

— Андрей, ты только подумай, что ты говоришь! — Вера Алексеевна обернулась к сидевшим на оттоманке золовке и племяннице, ища поддержки. Но те сочувственно смотрели на Андрея Алексеевича. Он оскалился:

— А ты... ты что хотела бы? Всю жизнь здесь в лакеях у французизшек ходить? По милости на кухне? Тебе мало, что я дал нашу фамилию этому недоразвитому. Ну как же — гуманность... Общественное мнение... И теперь ты ещё будешь мне указывать, как поступить с ним? Не было дня, чтобы я перестал верить в наше возвращение в

Россию. Не было ночи, чтобы я не видел снова моей фабрики в Петербурге. Моих людей, за двадцать шагов снимающих передо мной шапки с головы... Не нравится — пшёл вон! Я — хозяин! Моё слово — закон! А теперь я должен расстаться со своей мечтой стать снова человеком? Ну, нет-с! Мы будем в Петербурге! Будем! Сам выкину хамскую мразь из моего дома! Молчи! — взвизгнул он пытавшейся прервать его сестре. — Ты забыла, какими я вас вывез с Жоржем? Если бы не я, он подох бы там где-нибудь в тифозном бараке. Молчи!

И перешёл на драматический шёпот: — Не сегодня-завтра немцы ринутся на Советскую Россию. И с ними вместе я войду в Петербург. Войду!

Было непонятно — то ли это была искренняя истерия, то ли он играл.

— И ты пойдёшь против родины с нацистами? — Вера Алексеевна с удивлением смотрела на брата.

А тот уже спокойно отвечал:

— Пожалуйста, без этих жалких слов. Я буду заодно с каждым, кто способен разгромить большевистское иго в России. И если потре-



буется, я стану нацистом. А если этому помехой африканский выродок...

— Да ты не в себе, Андрей! Причём тут ребёнок, его национальность?

Вера Алексеевна, волнуясь, ходила по комнате.

Шереметьев шагнул к выходу из столовой. Саша, подслушивавший у двери, метнулся в кухню.

Потом хлопнула дверь на улицу. Видно, ушла Вера Алексеевна. Тотчас на кухню вошёл дядя. Он подёргал дверцу буфета.

— А... а... чёрт! Вечно заперто.

Обернулся к нарам, откуда за ним испуганно следили большие с синеватыми белками глаза мальчика.

— Ты что не спишь? А? Я тебя спрашиваю? Подглядываешь? За мной? За хозяином? И ещё молчит. Ах ты негодяй! Пшёл в ванную! Ну, снимай штаны!

Саша в испуге прижался к стенке.

— Дядя, не надо... Дяденька, пожалуйста... Я не буду... Ой!..

На мальчика обрушились жестокие удары. Потом Саша перестал чувствовать боль. А кровь каплями выступала из рассечённой кожи. Растирая занемевшую руку, Шереметьев пошёл из ванной, цедя сквозь зубы:

— Всё моя интеллигентская мягкотелость. Никак не могу довести дело до конца.

(Продолжение следует)

## Апрель

*Пусть утром морозит немножко,  
Ледок под ногами трещит.  
Апрель... О тебе под окошком  
Капель неустанно твердит.*

*Апрель... И светлеют просторы,  
И нынче в двенадцать часов  
Был сброшен внезапно на город  
Десант голосистых скворцов.*

*Апрель... И от края до края,  
Снега растопив на полях,  
Готовится к Первому мая  
Согретая солнцем земля.*

В. ВЕРХОВСКИЙ



Рис. П. Вискова

# Ворона-дирижёр

Рис. М. Бекташева

Собрались как-то  
звери-музыканты.  
Оркестр на славу! Сплошь  
одни таланты!

Кто домру взял,  
Кто скрипку,  
Кто фагот.  
Козёл плясать мастак,  
А Бурундук поёт!

И всё б в оркестре гладко  
шло,

Да вдруг ворону принесло.  
Свалилась с неба: — Кра!  
Кра! Кра!..

Что за кор-рявая иг-ра!  
Вам нужен дирижёр, друзья!  
Им буду я!

Ворона два своих крыла  
Раскрыла, кверху подняла,  
Махнула раз-другой слегка  
И... взмыла вдруг под облака!  
Хвостунью ветер от зверей  
Унёс подальше поскорей.

В. НИКОЛАЕВ





## Первомай

Всюду транспаранты  
и плакаты,  
Как красив сегодня  
Ленинград!  
Чётким строем  
с пионервожатой  
Мы из школы вышли  
на парад.  
С звонкой песней наш отряд  
шагает.  
И повсюду голоса слышны:  
— Здравствуй, светлый  
праздник Первомай,  
Светлый праздник мира  
и весны!

Рая ФЁДОРОВА,  
5-й класс, 286-я школа

## «Аврора»

Над городом ветер крепчает,  
С собой прогуляться маня,  
И трепетом флагов  
встречает  
Седая «Аврора» меня.  
А чем-то взволнованный  
ветер,  
Как будто завидует мне,  
И солнце приветливо светит,  
Лучи распластав по броне.  
Есть крейсер, который, быть  
может,  
И больше пленяет сердца,  
Но этот других мне дороже,  
Стоящий напротив Дворца.

Владимир ГОРКИНСКИЙ  
9-й класс, 108-я школа



Рисунки К. Севастьянова

## Первая борозда

Целинные земли без края.  
Весеннее утро в цвету.  
Стоит тракторист, намечая  
Впервые свою борозду.  
С зарёю упрямой рукою  
Он трактор вперёд поведёт.

Над первой в степи бороздою  
Грачи устремятся в полёт.  
А время пройдёт, и пшеница  
Поднимется плотной стеной.  
И будет товарищ гордиться  
Проложенной здесь бороздой.

Саша СЕГАЛЬ, 6-б класс, 240-я школа



# Царская пуговица



## Б Ы Л Ь

**П**РИШПОРИВАЯ усталого жеребца, заляпанного по самое брюхо жидкой грязью, всадник домчал до заставы, зычно гаркнул в предрассветную тишь:

— Эй, эй! Кто тут есть? Отворяй!..

Дощатая сторожка заскрипела и зашаталась. Пятясь задом, из неё вылез заспанный инвалид-будочник.

— Ты пошто в таку рань едишь? — спросил он, вытягивая за собой длинную «зверобойку». — Может, ты лихой человек, а я тебя — пусти?.. Не-е, милёк, у нас всё строго. Мне вид кажи, вид! Пашпорт!

Перегнувшись через луку седла, всадник наотмашь вытянул старика плетью вдоль спины. Удар по отсыревшему тулупу прозвучал в тишине, как выстрел.

— Эть! — сказал всадник, — шевелись, хвороба!

Ковыляя по лужам деревянной ногой, будочник засуетился.

— Эдак-то и сразу бы надоть, — запричитал он, отодвигая комлистое бревно шлагбаума. — Ежели начальство, так оно — вжик плетью и едет безо всякого вида!..

Задев шлагбаум верхом башлыка, скрывавшего гусарский кивер, фельдегерь спросил:

— До архиерейского дома-то каковой дорогой проехать?

Будочник показал дорогу. Всадник снова было играючи замахнулся на него плетью, но старик вскинул к лицу гонца дуло своей «зверобойки», куда свободно могло бы провалиться яблоко, и сказал шепотком, почти ласково:

— Проезжай с богом, господин хороший!.. Ружьишко-то у

меня как раз на медведя заряжено. Мы, холмогорские, не любим, коли бьют нас!

Всадник пришпорил коня и погнался дальше — туда, где среди рыжих ухабов виднелись скученные и серые, как грибы после дождя, невесёлые домики холмогорских слободок.

Из-за Кур-острова, что лежал посередине Двины Северной, косо и холодно проглянуло дымчатое солнце.

Был год 1819...

**В ЭТУ** ночь косторез Заозерский спать совсем не ложился. Когда фельдъегерь проскакал мимо его окон, мастер как раз заканчивал свою новую работу — фигуры Минина и Пожарского, над которыми он трудился несколько лет.

А утром все Холмогоры уже знали о скором приезде царя Александра I. Дотошные до новостей жёнки собирались на задворках посудачить о гусаре, что перепутал дом архиерея с женской обителью и влетел на коне в монастырь, до смерти перепугав спящих монашек.

Купец Иван Чернышёв, голова холмогорский, уже носился по кривым улочкам, собирал бабрвать траву, что дико разрослась на проезжей дороге. Заставлял смазывать петли ворот, чтобы не скрипели; смотрел — все ли собаки сидят на привязи; грозился пастуху оторвать голову, если хоть одна корова сбежит домой из стада...

— Чтоб мне и духу животного не было! — кричал голова. — А ты — эй, баба! — куда прёшь в рваном сарафане? Коли

носить нечего, так и сиди в избе. Нешто же государю-батюшке твоё голое пузо видеть приятно?

Волостные писаря с утра корпели в душной канцелярии, хлебали жидкий квасок, вели счёт — сколько приходится добрать податей с недоимщиков. Выяснили к полдню, что — много. Голова испугался: «Господи, без ножа режут!» — и забегал по домам, затряс обывателей за души...

Навестил он и Заозерского, когда у того сидели в гостях косторезы: мастера пришли взглянуть на новую поделку хозяина. Взмокший от ругани Чернышёв ещё с порога запричитал плачущим голосом:

— Ты что ж, окаянный, погубить меня решил? Со всех уже богом положенное содрал, а ты, нехристь, даже не почешешься...

И вдруг у в и д е л:

— Кто такие? Святые, што ль?

— Гражданин Минин это, — гордо ответил Заозерский, — и князь Пожарский это.

— А-а-а... — протянул купец, почесав в затылке. — Продай, коли сам сделал. Пять рублёв дам.

Косторезы хмуро переглянулись, а Заозерский обиделся:

— И не проси, голова. Я за одну кость больше платил.

— Ну... десять рублёв. И ведро водки на всех. Там на тебе податей на двенадцать с полтиной, вот и скостишь сразу!

— Нет, голова, не быть сему, — твёрдо возразил мастер. — Мой пот, моя нужда, ночи мои бессонные, — грех, Иван Евгра-



фович, с червонцами их равнять!..

Чернышёв оробел перед старыми мастерами костяного дела: Иван Лопатин и Верещагин, братья Угольниковы и Калашниковы, Андриан Максимов и Бобрецов Михаил, — сверху люди хоть и неприглядные, но зато самим народом знаемы и любимы, — с такими не сладишь попросту...

— Ну, ин ладно, — смиренно вздохнул Чернышёв. — Только вы, господа мастера, приготовьте уж образцы поделок ваших, чтоб порадовался государь-батюшка!..

**КОГДА** ушёл голова, Верещагин сказал хозяину:

— Дивное ты произвёл на радость нам изображение героев российских!

— Мастер ты, Иванушко, — добавил Лопатин, и все кивнули головами, соглашаясь.

И только старик Бобрецов хвалить поделку не стал, а запечалился, затужил, заохал:

— Охо-хо! Тяжело тебе, Иванушко, в нищете да бедствии, а нам и с куском хлеба не слаще. Потому как за этот кус приневолены мы для магазинов столичных галанты выстругивать. И хиреет оттого наше искусство дедовское, от нужды в ремесло выгоняется.

Вскочил горячий Угольников-младший.

— Вот мы, — сказал он. — Я и Осип. Нас двое. Из ракушек запонки режем. Рази же сие искусство? Норвежский вице-консул ещё с буквой французской заказал. Леший с ним, режем ему с буквой, хоша и не знаем — зачем? А продаём по гривеннику за штуку. Вот недавно в Архангелъске магазин новомодный открыли, так мы туда с Осипом тоже сунулись. А под стеклом-то наши запонки лежат. «Сколько стоят?» — «Да рубль с полтиной», — нам отвечают. — Вот те и на!..

— Уж мы-то ладно, — вступился в разговор Заозерский, —

умрём, как жили. А вот детишек бы... Коли царь придет, их надобно бы вперёд, напоказ выставить. Может, государь и заметит их, да и велит школу косторезную сделать. Не беда, что молоды! Федот Шубной тоже парнишкой за обозом трески ушёл. Спасибо земляку Ломоносову, — царствие ему небесное, — помог!

Все косторезы при упоминании этого имени истово перекрестились, посмотрев ненароком на Ивана Лопатина, который приходился Ломоносову внуком.

— Хоть и променял Шубной кость на мрамор, — закончил Заозерский, — а резьбою своей весь мир восхищаться заставил!..

— Школу, это верно, — поддакнул Калашников-старший. — Да и нам, старикам, царя завлечь надобно. Гибнет наше искусство, ибо живём всяк по себе, за кусок-то хлеба только попусту кость изводим...

— А мне и кости той не купить, — горестно заметил молчаливый Максимов. — Я вон эва! — Достал из кармана телячий мосол, в злобе ударил им по краю стола. — Эва из чего режу, господа мастера!.. Царя беспременно завлечь надобно, а как? Только поделками своими восхитить его можно...

Косторезы молча уставились на Заозерского, и он, поняв эти взгляды, всхлипнул вдруг жалобно:

— Други милые, сами видели, сколь холод и голод три года терпел безропотно. Радостью творения своего себя согревал, сыт ею одною бывал. Ведь в

этой поделке — вся надежда моя...

— И не только твоя отныне, Иванушко! — сказал Бобрецов, сильной рукою обнимая мастера. — Предивная работа твоя! Таких мы давненько не видавали. Вручишь её царю, — всем нам облегченье доставишь. Так скажи своё слово остатнее: для общества нашего готов ли свой труд жертвовать?

Долго сидел Иван Яковлевич Заозерский молча, вобрав голову в сутулые плечи. Потом выпрямился, молодо тряхнул нечёсанными волосами и взял в руки своё творение:

— Жертвую. Так и быть. Не для царя — для общества!..

**К** ВЕЧЕРУ прибыл гонец из Вавчуги — царь уже приближался к Холмогорам. Шумливая родня головы Чернышёва перетряхивала в доме сундуки, спешно чистила горницу — а вдруг царь на пути к Архангельску пожелает отдохнуть в их доме?

Заозерский умылся, расчесал волосы, надел праздничный кафтан. Покойная жена его Дарьюшка не раз уже перешивала его с одной стороны на другую, но кафтан был красен не сукном, а пуговицами. Шесть штук он сам вырезал из моржовой кости, на каждой пуговке — парусный кораблик в волнах.

Но одну вот потерял как-то, и вместо неё жена пришила медную с орлёным вензелем. Иван Яковлевич нашёл её в архиерейском саду, когда была сломана вокруг него каменная ограда.

Старые люди ещё говорили, что за этой оградой жили в заточении много лет Анна Леопольдовна, правительница России, с мужем своим и принцессами, но толком никто ничего не знал...

И вот разом зазвонили колокола церковей, монастыри зауехали в громадные «била». Когда мастер выбежал на площадь, народ уже стоял на коленях, а восемь каурых лошадей, запряжённых цугом, катили вдоль улицы лакированную карету. Иван Яковлевич, держа перед собой свою поделку, тоже встал на колени и весь замер в пугливом ожидании.

Рейтары, сопровождавшие царский поезд, быстро спешили. Увенчанная тяжёлым гербом, дверца кареты вдруг распахнулась, и на землю соскочил офицер в сером дорожном костюме. По толпе прокатился неровный гул, из которого выплещивались чьи-то голоса:

— Детишек наших... Вперёд бы их!

Но царь не взглянул на пареньков, державших в руках дудочки, брошки, тусски и кораблики, вырезанные ими, — к нему уже подползла голова Чернышёв, взбивая пыль широченными шароварами:



— Ваше императорское величество, не откажите соли-хлеба откусать... Сотворите божещкую милость!

Александр I отломил от корочки и обмакнул её в солонку и долго, старательно жевал. Иван Яковлевич, тоскливо проглотив слюну, подумал: «Ржаной хлебец-то... вкусный...»

Обежав тусклым взглядом ряд высоких кокошников на головах молодок, император сказал отчётливо и громко:

— Спасибо! Отменный хлеб едят миряне!..

Кто-то сильно толкнул Заозерского в спину, шепнул: «Иди!» Мастер встал, неловко шагнул вперёд. Увидев императора рядом с собою, косторез неожиданно растерялся и, вместо приготовленных заранее слов, сказал отрывистым шёпотом:

— Вот... российских героев изображение... Копия с предивной работы академика Мартоса... сделал... Три года... недоимки... Детишки, а вот... сделал, ваше... ичество!..

И вдруг заметил, что взгляд царя остановился совсем на другом — на пуговицах его кафтана.

— Это я, — забормотал мастер в смущении, — пуговицы тоже... Коробочки туалетные, крестики можем... Сызмальства к нему навык имеем... Не откажите в милости...

— Хм! — сказал царь и вдруг вкрадчиво спросил: — А откуда, голубчик, вот эта пуговица у тебя? Где взял?

Перед взором мастера стремительно, как во сне, пронеслись углы его родимой избы, лица детишек, тёплые полаты с тарака-

нами возле печки. Потом всё это померкло, придавленное мраком Соловецкой тюрьмы, где скованные узники гниют заживо, — и Заозерский в отчаянии снова рухнул на колени:

— Батюшка-государь, помилуй и не губи!.. Неучён ведь я, невдомёк мне, что пуговица-то — царская!..

Брови Александра I взметнулись кверху, и он с озабоченным лицом стал выслушивать, что шепчет ему на ухо городской голова. Над холмогорцами нависло тяжёлое молчание.

— В архиерейском саду? — спросил царь, дослушав Чернышёва. — Сие любопытно... Вы слышали, Дибич? — обратился он к генералу из своей свиты и, сказав что-то по-французски, вдруг хлопнул Заозерского по плечу перчаткой: — Встань, голубчик, чего ты так испугался? Вот тебе рубль...

И, круто повернувшись, царь зашагал по устланной половиками и шальями дорожке прямо к дому головы. Чернышёв побежал было следом за ним, но потом вернулся к Заозерскому и с силой рванул царскую пуговицу вместе с клином истлевшей одежды:

— Дурак, рази же можно герб государев на зипунишке носить? Давай свою поделку сюды-тко. Я сам поднесу её, коли ты не смог!

А народ, шумя и толкаясь, уже разбрехался по домам.

«Как же это? — мучительно раздумывал Иван Яковлевич. — О пуговице спросил, а на поделку и не глянул даже...» — И на душе у мастера было пусто,

сердце постукивало вяло и безразлично, словно стало чужим.

Мастер остановился возле кабака, неуверенно шагнул через порог. Положив на прилавок дарёную монету, он прижал её козявым пальцем, тяжело соображая — сразу пить или погодить ещё да послушать, что толкует народ?

Но лихой одноглазый целовальник, заметив золотой, уже подскочил к нему, размахался грязным полотенцем, зашаркал:

— Чего-с изволите, почтенный господин мастер?

Тогда он отпустил палец, и царский рубль, сверкнув на прощание, навсегда затерялся среди жалких ломаных медяков..

**ХОЛМОГОРСКИЕ** мастера ещё не теряли надежды. В ожидании царской милости они собирались по вечерам то у Заозерского, то у внука Ломоносова — Ивана Лопатина, шумливо обсуждали недавние события. Из Архангельска, где загостился император, доходили разные слухи, но о холмогорских косторезах царь словно забыл.

— Ничего, — утешал друзей Бобрецов, — не можно ведь нас без ответа оставить, коли сама поделка ему в руки попала! Недосуг, видно, ему. Подождём...

Но ответ пришёл даже раньше, чем его ожидали. Однажды вечером нагрянул к Заозерскому сам голова, держа узелок под мышкой, и весело сказал:

— Эх ты, дурья башка! Давал я тебе червонец тогда — не взял ты, загордился. А теперь — вот...

Чернышёв развязал тряпицу, и мастер увидел свою поделку. От

удивления он долго молчал, за-грубевшими пальцами глядя ма-монттовую кость, и даже не сразу понял, о чём говорит ему голова.

— ...Вот, — важничал перед ним купчина, — коли сие мне подарено, значит — моё! Высоко оценил государь наше гостеприимство и удостоил меня таким подарком. Ну, а я много уже наслышан о мастерстве твоём, к тебе и пришёл потому. Здесь вот уже вырезано тобою: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия, лета 1818...» А теперича вот с этой стороны вырежь мне покрасивше: «Государь Император Александр Павлович соизволил жаловать сим монументом купца Ивана Чернышёва 1 августа 1819 года в Холмогорах...»

Задохнувшись от гнева, мастер поднял над головой жёсткую руку. Но его взгляд случайно упал на фигуру русского богатыря Минина, который стоял перед ним, так же подняв свою руку, словно зовущую вперёд — к славе народной, и неожиданно для себя Иван Яковлевич покорно сказал:

— Ладно. Куды ни шло. Напишу тебе. Здесь — «Гражданину Минину благодарная Россия», а здесь — «Купцу Чернышёву благодарный царь». Ну, и всё! Уходи теперь...

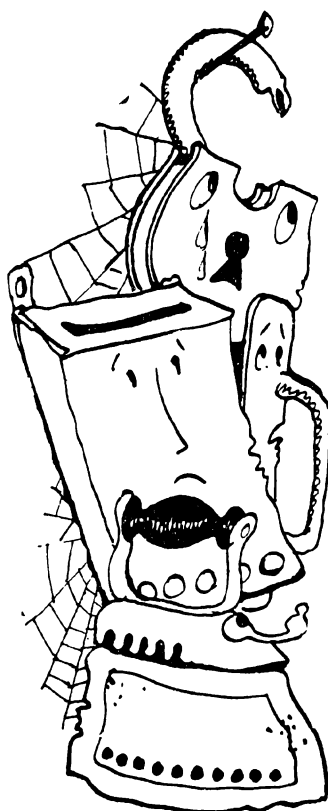
И ночью он сидел в своей прокопчённой избёнке, слушал, как ворочаются на полатах некормленные детишки, и при свете лучины вырезал обещанную надпись. Только на этот раз надпись получилась неровная, потому что слёзы, слёзы горькой обиды мешали ему работать.



## Железный великан

С К А З К А

Много лет висел замок,  
Открывался, закрывался,  
Но однажды он сломался.  
Как хозяин ни старался,  
Но войти в сарай не мог.  
Что ты скажешь?  
Как тут быть?  
И пришлось замок сменить.  
Дверь надёжно запирая,  
Новый щёлкнул, как курок,  
А за ней в углу сарая  
Плачет сломанный замок:  
— Я сарай всю жизнь стерёг,  
А как стал я стариком,  
Сам скучаю под замком.  
Вдруг услышал он на свалке  
Чей-то стон, глухой и жалкий.  
Посмотрел замок вокруг,  
Видит: рядом с ним утюг.  
Он сказал замку, вздыхая:  
— Я о прошлом вспоминаю.  
Знал я славное житьё  
И с хозяйкой ладил.



Любо вспомнить, как бельё  
Я когда-то гладил.  
Где провёл я жаркий след,  
Ни одной морщинки нет.  
Стол накроют предо мной  
Ширью сарафана  
И цветёт он, как весной  
Луг или поляна.  
Ходишь-бродишь здесь

и там

Всё по ягодам-цветам.  
Я утюжил снег платка  
и горошек платья,  
А теперь для утюга  
Не найти занятия.  
— Да,— сказал почтовый  
ящик;

Старый ржавый инвалид, —  
И моя судьба не слаще,  
Я заброшен и забыт.  
Были дни — мою защёлку  
Люди открывали  
И в меня, как в улей пчёлки,  
Письма залетали.  
— Эх! — вздохнула

закорючка, —  
Я, друзья, дверная ручка,  
Но, как видите, года  
Привели меня сюда.  
А когда-то было время,  
Я здоровалась со всеми.  
Подойдёт ко мне народ,  
Каждый руку подаёт.  
Даже самый важный дядя,  
Что ходил, как на параде  
И других не узнавал,  
Помню, руку мне давал.  
Неужели мы не будем  
Вновь служить все вместе  
людям?!

А в ответ сковорода:  
— Тише! К нам идут сюда.  
Заскрипела дверь, открылась,  
Солнце сразу появилось,  
И шагнул через порог  
Незнакомый паренёк.

Заявил с весёлым видом  
Петя ржавым инвалидам:  
— Из таких, как вы, калек,  
Кран построит человек.  
Будешь ты, замок разбитый,  
Поднимать на стройках плиты!  
Будешь ты, дверная ручка,  
Груз нести туда, где тучка!  
Скоро ты, сковорода,  
Будешь строить города!  
И сказал замок, ликуя:  
— Кто ж нам силу даст  
такую?

Не волшебник ли седой  
По колена с бородой?  
— Нет! — ответил школьник  
Петя, —

Нет волшебников на свете.  
Даст вам силу сталевар,  
Где в печах бушует жар.  
Вам ту силу на заводе  
Токарь даст — мой брат  
Володя,

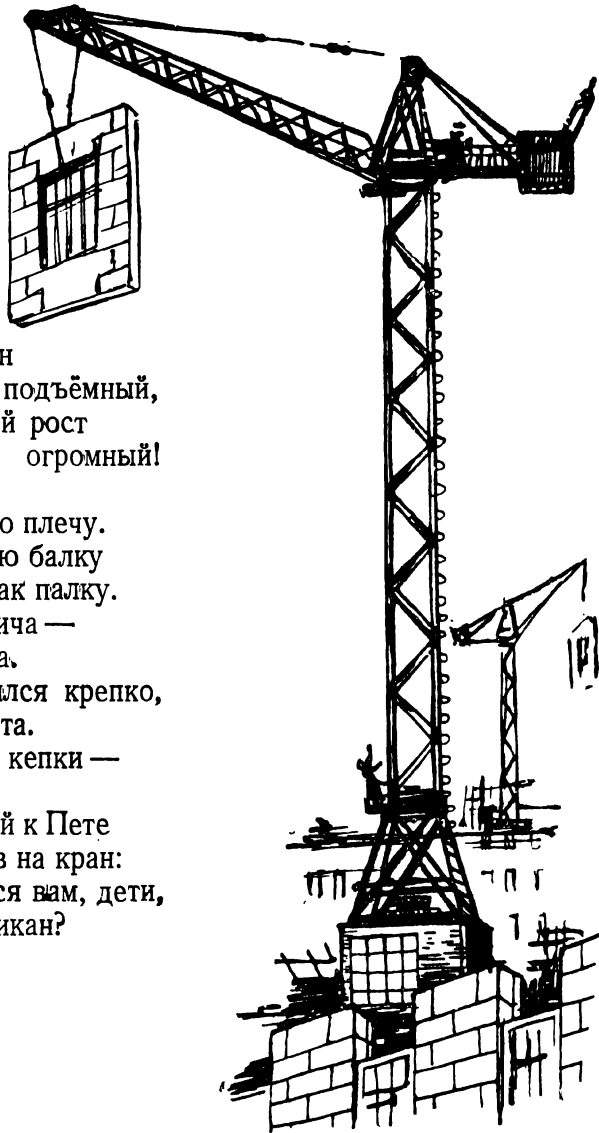
Слесарь, сварщик, инженер...  
Продолжает пионер:  
— А теперь пора в дорогу.  
Собирайтесь понемногу,  
Отряхните пыль и сор  
И пойдём на школьный двор.



Как-то утром  
 На рассвете  
 Собрались  
 На стройке дети.  
 Хочет каждый  
 Мальчуган  
 Посмотреть  
 На новый кран.

Вот он, новый кран  
 подъемный,  
 Встал во весь свой рост  
 огромный!

Великану-силачу  
 Всё, что хочешь, по плечу.  
 Подцепил стальную балку  
 И поднял легко, как палку.  
 Целый ящик кирпича —  
 Чепуха для силача.  
 Он за трос вцепился крепко,  
 И уже плывёт плита.  
 У ребят сползают кепки —  
 Вот какая высота!  
 Подошёл прохожий к Пете  
 И сказал, взглянув на кран:  
 — Что, понравился вам, дети,  
 Этот сильный великан?



А не скажете ль откуда  
 К нам пришло такое чудо?  
 Принял Петя важный вид  
 И серьёзно говорит:  
 — Был на свалках кран  
 когда-то,  
 Да нашли его ребята,  
 И теперь он строит дом...  
 Есть у вас железный лом?

# ПРОШТРАФИЛСЯ!

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)



# Рассказы геолога

## ВЕСНА В ТАЙГЕ

**24** ИЮНЯ 1958 года гидросамолёт геологической экспедиции сел в реку Бахту, что течёт в Енисей между Подкаменной Тунгуской и Нижней Тунгуской. Мы вылезли из кабины.

Вокруг теснилась дикая, непуганая тайга. Она то вплотную подступала к отвесным лиловым ярам, то окаймляла широкие песчаные скаты, на которых среди бурых лобастых валунов пламенели оранжевые цветы. Это распускались махровые бутоны сибирской купальницы. В народе их называют жарками... Очень меткое, поэтическое название! Действительно чудилось, будто тысячи круглых раскалённых углей рассыпались вокруг и, неугасные, ярко светились среди сочной зелёной травы. Тонкое, сладостное благоухание, напоминающее аромат розы, лилось от оранжевых полей.

Вблизи воды стелились по гальке чахлые, в илистых гнёздах, тальники, ободранные льдом и камнями. Они ещё не опомнились от половодья, но широкие зубчатые листья, выбившиеся из красных почек, упрямо тянули их к небу.

Выше склонились под тяжестью серёжек серебристые ивы, увешанные длинными кистями узких листьев. Серёжки, словно набухшие колосья безусой пшеницы. Пройдёт день-другой, зелёные колосья лопнут, ивы опухнут белой ватой.

У самой бровки террас за прибрежными кустарниками столпились черёмуховые деревья, да так густо столпились, — ни пройти мимо них, ни пролезть. Они, как в снегу. От них такой запах, что непременно хочется дышать через нос и непременно долгими, глубокими затажками.



На пригорках цветёт ломкая жимолость. Между ворсистыми овальными листьями её появляются сначала крошечные, как бусинки, завязи, от них отходят желтоватые колокольчики. Не успеют колокольчики

выбросить коричневые тычинки, а завязи уже превратились в ягоды.

А вот рябина никак не опомнится от зябких метелей. Белые лепестки недоверчиво выглядывают из набухших кистей, словно боятся: а вдруг ударит мороз?!

Там, где кончается берег, за поясом черёмухи, начинается царство берёз, осин, лиственниц, кедров, пихт, елей.

Берёзы ещё не распустились во всю силу, потому тайга такая радостная, светлая, просвечивается далеко-далеко.

Вот молоденький кедрёнок. Стоит, растопоршил длинные сизые усищи, каждый ус, жёсткий, трёхгранный, собран в пучок по пять штук.

Рядом с ним буйно распускается лиственница. У неё такая пахучая, такая нежная шелковистая хвоя, что непременно остановишься, чтоб погладить.

А вон темнеет группа вечнозелёных деревьев. Они тоже сияют чистотой и свежестью, словно торжествуют, что избавились, наконец, от тяжести снежных заносов.

Мы подходим к тёмным деревьям. Я указываю на пихту. «Что это?» — спрашиваю Сашу Голубкова, молодого коллেকтора, впервые попавшего в тайгу. «Ель», — говорит он авторитетно.

Собственно, на этот вопрос едва ли правильно мог бы ответить любой закоренелый городской житель.

У пихты хвоя мягкая, эластичная; у ели — колючая. У пихты кора гладкая, тонкая. У ели — шершавая, истресканная.

Ель — вся зелёная. Пихта — зелёная только сверху, а снизу светлосизая, с беловатыми полосами на нижней поверхности хвоинки.

У ели — хвоя четырёхгранная, заострённая на конце. Она как бы устремлена вперёд, по направлению веток. У пихты — хвоя плоская, округлая, она топорщится вверх, оттого пихта пушистей, нарядней ели.

Красивее всех выглядят сосны. Ровные, как спички, высокие, с бледной золотисто-зелёной корой, с

пушистым круглым куполом листвы, они оживляют своей стройностью и светлостью унылую однообразность хвойной тайги.

На сухих пригорках — голубой кудрявый ягель, белые островки брусники, алые розы шиповника. И среди всего этого рассыпаны колонии крупных тёмно-фиолетовых и малиновых бутонов. Это цветут марьяны коренья — таёжные пионы.

Всё, всё вокруг справляет праздник весны.

## БЕЗОШИБОЧНЫЕ СИНОПТИКИ

— Завтра утром скатываем палатки, трогаемся на новое место, — предупредил всех начальник геологической партии.

— Не надо загадывать, — сказал Иван Иванович, — завтра, послезавтра и запослезавтра будет дождь.

— Не может быть! — возразили мы.

В самом деле, вот уже полмесяца стояла великолепная погода. Ни облачка, ни ветерка — никаких признаков наступающего ненастья. Всё так же явственно белели заснеженные вершины, всё теми же неподвижными зелёными волнами млела на солнце тайга.

— Пойдёмте, покажу почему.

Мы подошли к курушнику. Так обычно геологи называют развалы крупных угловатых камней, образующих сплошное хаотическое скопление. Иван Иванович попросил, чтоб мы спрятались в кусты. «Смотрите», — прошептал он и легонько свистнул. Из камней настороженно высунулась рыжеватая мордочка какого-то зверька величиной с хомяка, внимательно огляделась вокруг. Иван Иванович свистнул вновь. Перед нами прытко выросло несколько толстых рыжеватых столбиков. С минуту они стояли не шевелясь. И вдруг, точно по сигналу, дружно запищали на все лады.

— Это — медведки, — сказал Иван Иванович. — Не правда ли, похожи на медвежат? Такие же корноухие и неуклюжие с виду. Их называют



## СРАЖЕНИЕ ВЕЛИКАНОВ

**РЕКА** Бахта, приток Енисея, в ста пятидесяти километрах выше устья принимает небольшую речушку Тынеп, которая вытекает из таёжных болот. Вода в Тынепе золотистая, в Бахте — с зеленоватым оттенком. Там, где они сливаются, образовалась глубокая заводь с крутым берегом из круглых, отполированных до блеска валунов.

Лобастые пескари — ненасытные поросята — азартно копаются в водорослях, отыскивая что-

ещё сеноставками, потому что они заготавливают на зиму сено. Срезают зубами траву, раскладывают рядами на солнцепёке, а когда она высохнет, мечут стожки.

— Ну, а почему же дождь будет? — перебил я рассказчика, решив, что он отвлёкся от цели нашего прихода.

— Да потому, что вчера тут стояло множество стожков, а сегодня, посмотрите, ни одного нету — всё сено медведки запрятали под камни. Значит, ждут непогоду. И ещё посмотрите, вон там, на стланике, трава висит, медведки на таскали.

Действительно, все ветви пихтового стланика, который стелился над размашистым кедром, были аккуратно, стебель к стеблю, увешаны свежей травой. Даже не верилось, что это работа зверьков.

— Вот ведь, решили сушить сено на весу, под защитой дерева... Значит, ненастье затянется, — сделал вывод Иван Иванович.

\* \* \*

Ночью палатки затрепыхались от порыва ветра. Потом зашуршал дождь. И несколько дней, не переставая, он шуршал по брезентовому тенту.

то усами-щупальцами. У самого берега дерутся из-за упавших комаров пёстрые синявки. Вот по воде забил крыльями рыжий овод. Синявки дружной стайкой бросились к нему и затеребили кто за крылья, кто за лапы. Овод то скрывался под водой, то выпрыгивал на поверхность. Он был слишком велик для маленькой рыбёшки. С берега казалось, будто синявки играют в водное поло, выбивая друг у друга огромный рыжий мяч. Вдруг у «мяча» вскипел бурунчик. Стайка рассыпалась кто куда, «мяч» исчез. Это хариус проглотил его.

Вдруг появились жёлтые в чёрных тигровых полосах окуни. Пескари шмыгнули под камень, синявки чуть не выпрыгнули на берег. Горбатые разбойники безбоязненно разгуливали по заводи. Но вот мелькнула тень и резко остановилась. Это была здоровенная, метра на полтора, щука.

Проглотив окуня, щука вернулась к прежнему валуну. Теперь-то я видел её. Она лежала неподвижно, как притаившийся, приготовившийся к прыжку леопард. Я долго следил за ней, но она не показывала признаков жизни, только изредка шевелились плавники. Осмелевшие пескари тыкались мордочками под её боками, выбирая, очевидно, присосавшихся к

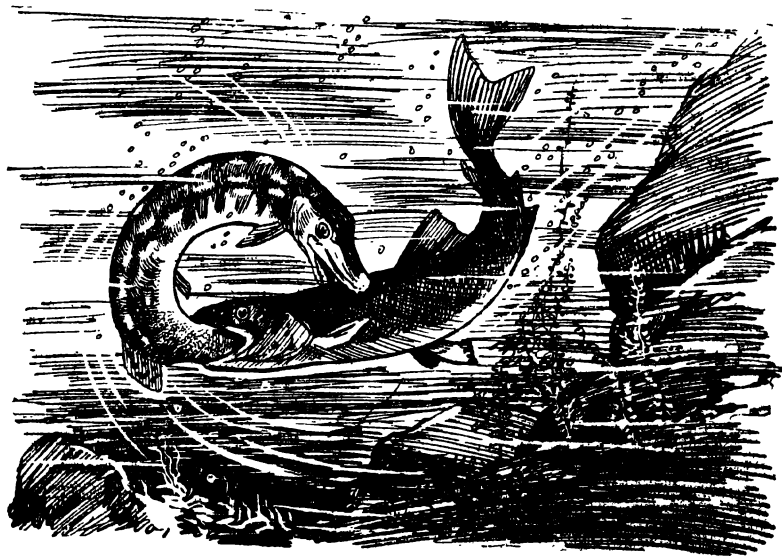


её телу паразитов. Щука их не тревожила. Что для её волчьего аппетита крохотные рыбёшки! Она ждала более увесистую добычу, проглядывая зоркими косыми глазами всю заводь. Я хотел бросить ей блесну, чтоб полюбоваться, как она затанцует на крючке, но в это время в заводь вошла чёрная рыба длиною не меньше полутора метров. Она походила на гигантский подковный гвоздь. Яркий оранжевый хвост краснел, как огненный факел. Несомненно, это был таймень.

Щука чуть повернулась в его сторону, но не тронулась с места. Таймень рыскал по заводи как голодный шакал. Вдруг у валуна кто-то пошевелился. Это щука махнула плавником. Таймень со скоростью реактивной торпеды ринулся туда. Щука рванулась, но было поздно.

Половина её хвоста исчезла в тайменьей пасти. В тот же миг щука изогнулась и вонзила пасть в мясистую спину тайменя. Забурлила, замутилась заводь, к золотистым струям тыненьской воды прибавились кровавые хлопья. Два великана, сцепившиеся друг в друга, кружились юлой.

Синявки со страху прижались к берегу, хариус удрал на пережат. Минуты две кипела заводь. Потом всё стихло. Таймень всплыл кверху брюхом с переломанным позвоночником, щука, перекусанная, пыталась уплыть, да никак не могла. А мелкая рыбёшка густой стаей сновала вокруг беспомощных хищников, выдёргивая из их ран клочки мяса и крови. Изредка щука в смертных судорогах оскаливала пасть, но это не отпугивало назойливых мальков.



## Ребята

С зерном машина села с ходу,  
А грязь — ни взад и ни вперёд.  
Шофёр амурскую погоду,  
Дорогу вязкую клянёт.  
То бросит он траву под скаты,  
То отворотит ком земли.  
Откуда ни возьмись — ребята,  
Два мальчугана подошли.  
— Ну, что вы так неосторожно! —  
Сказал один из них в упор. —  
Правее вон объехать можно! —  
Кивнул дружку: — Айда, Егор!  
И вот они наперегонки  
По лугу к рожице бегут.  
Шофёр ругает их вдогонку:  
— И тут покоя не дадут!  
Недалеко до перебранки.  
Но смолк. И как не смолкнешь  
тут!

Глядит, как мальчики вязанки  
Сухого хвороста несут.  
Потом они плечом толкали,  
Рубахой вытирали пот  
И, губы облизав, сказали  
Почти что враз: — «Теперь  
пойдёт!»

И вот окончена работа.  
Рядком довольные стоят.  
Какой хозяйскою заботой  
Сияют лица у ребят!  
Шофёр сказал: — «Ну что ж,  
влезайте  
Да покажите, где ваш дом».  
Один махнул рукой: — Валяйте!  
Другой добавил: — Мы дойдём!



## О Г Н И

Бывало, ночью сильная вьюга  
Застанет тебя в пути.  
Куда ни глянешь — на всю округу  
Ни огонька в степи.  
Немудрено заблудиться было,  
Замёрзнуть в глубоких снегах.  
Лампой, свечой да лучиной  
коптили

Мы потолки в домах.  
Но кануло в прошлое время это,  
Умчалось оно в забытье.  
И светится новым, чудесным  
светом

Теперь Приамурье моё.  
Я много полей и лесов объездил  
Амурской земли моей.  
И всюду я видел одни созвездья  
Сияющих ярких огней.  
Сегодня ночь засияла багрянцем.  
Повсюду, куда ни взгляни,  
Наши колхозные электростанции  
Льют золотые огни.

## Зазвонил телефон...

**В** ВОСКРЕСЕНЬЕ после завтрака я сидел на диване и читал на разные голоса:

«У меня зазвонил телефон.

— Кто говорит?

— Слон.

— Откуда?

— От верблюда!..»

— Папа, — перебила меня Маришка и слезла с колен, — давай сделаем телефон!

Я согласился. В нашей квартире телефона нет, а аппарат такой очень всем нужен, особенно дочке, потому что в этом же доме, прямо напротив наших окон, живёт её хороший приятель — Саша. Дело у ребят хоть отбавляй. За день раз десять повидаваться, поговорить надо. Не бегать же каждый раз из одной квартиры в другую! А кричать через весь двор тоже нельзя — взрослые ругаются.

Взяли мы длинную-предлинную бечёвку, привязали к её концам по спичке, и каждую из них просунули в пустые коробки. Забросили один коробок в раскрытое Сашино окно, а другой оставили у себя. Натянули бечёвку...

— Алло, Саша? — говорит в коробок Маришка, а Саша слушает.

Потом Саша стал говорить, а Маришка слушала. Очень интересный получился телефон — как настоя-

щий, и слышно хорошо! Бежит голос по натянутой верёвочке из одного окна в другое, из Сашиной квартиры в нашу и наоборот. Одно только неудобство: чтобы вызвать абонента (так называется тот, кто по телефону разговаривает), всё равно приходится через весь двор кричать. Ведь звонка-то у спичечного коробка нет!..

Понравилась игра ребятам, пристают снова ко мне.

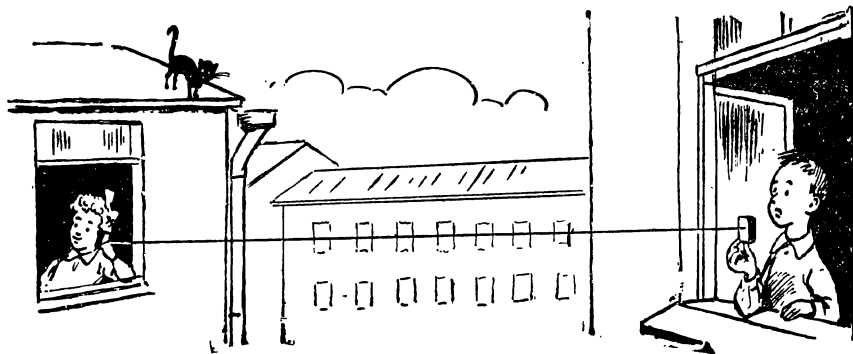
— Можно, — говорят, — мы к Жене Семёнову такой телефон проведём?

Живёт Женя Семёнов на Петроградской стороне, три моста и девять улиц лежат между нашими домами.

— Нет, — отвечаю, — не выйдет. Наш аппарат только на короткое расстояние действует.

— А почему, — спрашивают снова ребята, — по настоящему телефону можно хоть на сто, хоть на тысячу километров разговаривать, а по нашему нельзя?

Взял я тогда с полки толстую книгу — «Физику» и прочитал своим собеседникам о том, что звук в воздухе очень быстро замирает. Другое дело, когда идёт он по нитке, или по проволоке, или, скажем, по железнодорожным рельсам. Приложишь ухо к ним — «тут-тук-тук» стучат колёса



далёкого поезда. Ещё и паровоза-то не видно, а звук уже обогнал его, добежал до нас. И всё-таки даже по рельсам звуковые колебания распространяются не очень далеко. Слово за слово — пришлось мне прочитать Саше и Маришке целую лекцию. Не знаю, всё ли поняли из неё малыши, но вы постарше, поймёте.

В настоящих телефонах по проводам не звук, а электрический ток бежит. Зачем он там понадобился? Заставили его инженеры переносчиком служить — переносить человеческий голос с одной улицы на другую, из города в город. Дело в том, что электрические колебания гораздо сильнее и проворнее звуковых, и мчатся они по проводу в миллион раз быстрее и дальше — вот и ответ, для чего электрический ток нужен. Значит, чтобы разговаривать на расстоянии, нужны обязательно два телефона, соединённые между собою двумя проводами с током. Провода эти называются «разговорной цепью». Сколько же, по-вашему, цепей надо, чтобы соединить три телефона? Ясное дело — три цепи. А для четырёх телефонов? Не спешите с ответом. Уже не четыре, а шесть цепей потребуются. Попробуйте соединить карандашом на бумаге четыре точки так, чтобы каждая имела прямую связь с остальными, — вот и убедитесь в этом. И чем больше будет телефонов, тем больше линий связи надо прокладывать между ними. Так, для десяти аппаратов понадобится уже сорок пять пар проводов, а если взять все телефоны города, — скажем, сто тысяч аппаратов, — и сосчитать количество цепей, то получится просто астрономическое число — 4.999.550.000 — четыре миллиарда девятьсот девяносто девять миллионов пятьсот пятьдесят тысяч штук! Допустим далее, что длина каждого провода всего один километр. Тогда, вытянутые в одну линию, они протянутся во много раз дальше, чем расстояние от Земли до Солнца. Такого количества проводов на всей земле не соберёшь.

Вот, чтобы избежать этого, в го-

родах и созданы ЦТС — Центральные телефонные станции. Сюда сходятся провода от всех телефонов города. Теперь уж не надо каждого абонента соединять со всеми остальными целой паутиной линий. Достаточно просто позвонить на станцию и попросить, чтобы нужное на время соединение сделали там.

Кто же занимается на станциях такой работой? Вот тут и начинается самое любопытное.

Ещё лет 20 назад сидели на ЦТС девушки-телефонистки, которые целый день только и делали, что соединяли одного абонента с другим. У каждой — по целой сотне «подшефных» телефонов. А на самих аппаратах вместо диска с цифрами раньше были две кнопки с буквами «А» и «Б». Снимешь трубку с рычага, нажмёшь на кнопку слева, и сейчас же голос телефонистки: «А» — что означало: «группа „А“, мол, к вашим услугам, назовите номер телефона, с которым хотите соединиться». А если на другую кнопку нажать, уже от другой девушки ответ услышишь — «Б».

Все телефоны города разделялись на две группы — одна включала в себя номера, начинавшиеся с нечётных цифр, а другая — с чётных. Вот для чего и нужны были две кнопки на каждом аппарате.

Скучать телефонисткам не приходилось — сигналы, сигналы со всех сторон. Скажем, под Новый год, когда большинство абонентов обязательно в течение пяти минут хочет позвонить всем своим знакомым, — легко ли было на станции? У специалистов-телефонщиков даже название специальное этому есть «новогодняя нагрузка» — самая большая в году. На телефонных ручных станциях девушки-телефонистки часто ошибались, соединяли не те телефоны, потому что приходилось очень спешить. Вот и случался на линии такой разговор: «Мария Петровна, Мария Петровна, с Новым годом вас!» А в ответ басом: «Какая я вам Мария Петровна? Я вовсе Пётр Иванович, повесьте трубку!» Время идёт, часы бьют, а Мария

Петровна с Петром Ивановичем так и не добились своих номеров. Сердятся...

Так было раньше. Теперь в больших залах АТС — Автоматических телефонных станциях — не найдёшь ни одного человека. Всё делают механизмы — сотни, тысячи, десятки тысяч подвижных рычажков, колёсиков и храповичков. Вся эта масса механизмов непрерывно крутится, лязгает и трещит — абонентов много, всё время кто-нибудь звонит, значит, всё время работают и приборы.

Вы, наверное, и не представляете себе, какие сложные процессы совершаются в тот момент, когда дома снимаете трубку с аппарата и собираетесь крутить диск. Прежде всего в трубке слышен длинный гудок. Это значит, что на станции линия вашего телефона подключилась к умному и сложному прибору — искателю и что искатель приготовился найти нужный номер.

Затем начинаете набирать цифры. Под диском номеронабирателя укреплен кружок с десятью зубчиками. Зубчики проскакивают между контактными пластинками и быстро-быстро размыкают и замыкают их. Что при этом происходит с электрическим током в проводах, соединяющих ваш телефон со станцией? Сколько зубчиков проскочит между пластинками, столько раз разомкнётся и снова замкнётся цепь. По проводам на АТС побегут коротенькие электрические сигналы-импульсы. Наберёшь на диске цифру «5» — пять импульсов на станцию послано, наберёшь «7» — семь импульсов друг за дружкой по проводам бегут. Так узнаёт «искатель» на телефонной станции, какой номер ему отыскивать надо. Найдёт, соединит ваш телефон с другим — и только после этого в линию посылаётся вызов. Далеко, на другом конце города, звонит звонок!

Представляете себе, как трудно приходится техника, когда в таком запутанном хозяйстве что-нибудь портится? А это случается не так уж редко. Все детали и контакты на телефонной станции непрерывно дви-

жутся, трутся друг о друга и при этом, понятно, снашиваются, приходят в негодность. То и дело техники что-нибудь заменяют. А отыскивать повреждения и устранять их — дело совсем не простое. Нужно время, а оно не ждёт: людям каждую секунду надо звонить по телефону, и станция должна быть исправной.

Есть и ещё один очень большой недостаток у механических АТС с искателями — шум в разговорных цепях. Скользят контакты, проскакивают между ними искорки, а в трубке от этого — треск, мешающий абонентам слушать друг друга. Приходится устанавливать ещё более сложные приборы, которые уменьшают подобные помехи.

Задумались инженеры: а нельзя ли изобрести автоматическую телефонную станцию без подвижных частей? Трудная это задача, но нет для техники невозможного. На помощь изобретателям пришли радиолампы. Среди специалистов-телефонщиков появилось новое слово «электронная АТС», что означает — построенная на электронных лампах. Где такие лампы применяются, помните? Да в радиоприёмниках и телевизорах!

Только телефонщики долгое время и слышать не хотели об электронике: «Это-де забота радистов, а нам и без их ламп работы хватает!» Но оказалось, что радиолампы не прибавляют, а, наоборот, уменьшают хлопоты на станции. Ведь каждая лампа может работать вместо целого механизма с контактами да с храповичками. И при этом нет в ней подвижных частей. А работу такие лампы совершают ту же — сами регулируют, куда ток посылать, кого с кем соединить. Никаких механизмов на АТС нет, только сопротивление да конденсаторы, как в радиоприёмнике. Испортится что-нибудь, ни винтов отвинчивать, ни шпилек вынимать не нужно. Припаял новую детальку, которая и величиной-то со спичечную головку, и дело с концом. Удобно, правда?

Такие станции сейчас уже есть. Правда, пока их делают на неболь-

шое число номеров, но пройдёт совсем немного времени и электронные АТС завоюют себе самое прочное место в телефонной технике. Тогда будут в них применять даже не радиолампы, а полупроводники. Телефонные станции станут совсем небольшими, не понадобится строить для них целые здания с огромными залами. Вся АТС на сотню телефонов будет по размерам с обыкновенную этажерку, две «этажерки» — двести номеров, сто «этажерок» — десять тысяч аппаратов можно поставить сразу. Кончится тогда в больших городах «телефонный голод»!

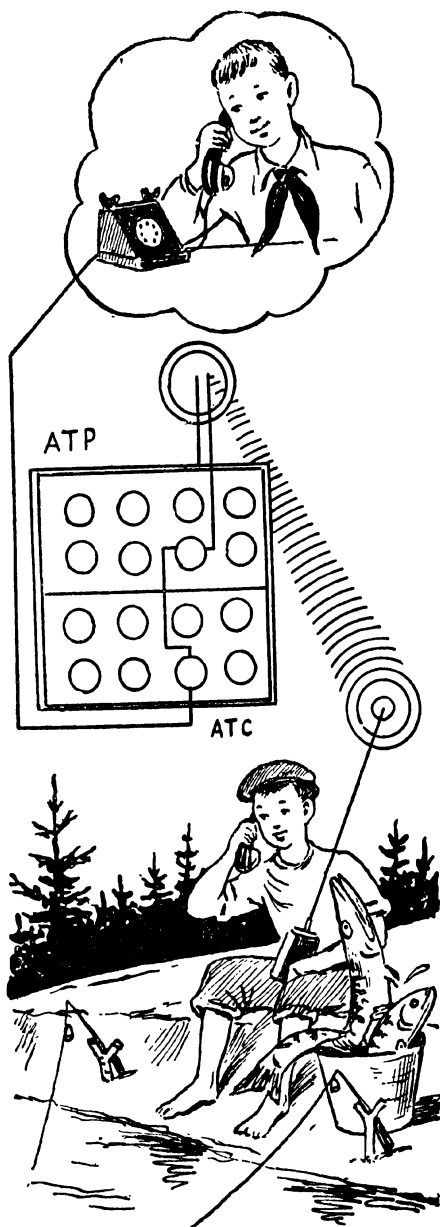
Станут тогда обычными и другие новинки телефонной техники. Вот, например, инженеры изобрели к телефону звукозаписывающую приставку — магнитофон. Сообщите, скажем, этой приставке, что уходите из дому и вернётесь через час. Запишет она ваши слова и, подключённая к телефону, ответит в ваше отсутствие всё, что было приказано. А если понадобится что-нибудь передать вам, этот автоматический секретарь аккуратно запишет слова говорившего. Вернётесь домой, прослушаете магнитофонную запись и узнаете, кто и по какому поводу без вас звонил.

Или представьте маленький аппарат, который можно носить с собой в кармане. Внутри этого аппарата смонтирована крохотная радиостанция. Сидите вы в саду, например, вдруг «ж-ж-ж» — зажужжало в кармане. Нажимаете на кнопочку и спрашиваете: «Алло? В чём дело?» Оказывается, пока никого не было дома, зазвонил телефон, и сигнал его передался по радио прямо к вам в карман. Откуда угодно и с кем угодно можно разговаривать по такому телефону!

В конце своей лекции, чтобы совсем поразить Сашу и Маришку, сообщил я им вот что:

— Скоро такие телефоны будут, в которых не только услышишь, но и увидишь того, с кем говоришь, как в телевизоре!

Это уж совсем здорово, правда?



И собеседникам моим такой аппарат понравился. Только Саша, прищурив левый глаз, заметил:

— Да, тогда, если из школы позвонят, даже не сочинишь, что папы и мамы дома нет! Ольга Михайловна по глазам сразу всё угадает!

Но Саша, конечно, шутил. На самом деле ему очень хотелось позвонить и поговорить по такому телефону.

# Необычная дружба

Б Ы Л Ь



**К**АК-ТО в мае папа принёс из сарая двух козлят. Красивых таких, беленьких, как снег. Мы тут же дали им имена. Одного козлёнка назвали Белянкой, другого — Снежинкой.

Расти бы им да попрыгивать. Но вот беда — наша старая коза на другой день вдруг заболела и сохла. Остались козлятки сиротами.

Папа посмотрел на маму и говорит:

— Надо их сбить кому-нибудь. Без козьего молока они погибнут.

— Жалко как-то, — сказала мама. Я тоже вмешался в разговор и, конечно, поддержал маму.

Тогда папа спросил:

— А кто их кормить станет?

— Сами будут есть, — с уверенностью ответил я.

Папа укоризненно покачал головой:

— Эх ты, специалист! Они же ещё не умеют.

Это для меня было неожиданностью, и я растерялся. Но тут меня поддержала мама.

— Я поговорю с соседями, — сказала она, — у них ведь тоже есть козы. Не может быть, чтобы мы ничего не придумали.

Мама принесла из чулана ящик и положила в него козлят. Ящик мы поставили в угол веранды. Я сел на табурет и стал наблюдать за сиротами. Козлята лежали без движе-

ния, тесно прижавшись друг к дружке. Они не мигая глядели куда-то вдаль. Глаза у них были грустные-грустные.

От жалости к ним у меня прямо сердце защемило.

Вскоре ко мне подошла и начала тереться у ног наша кошка Мурка. Она уже который день подряд ходила из комнаты в комнату и, мяукая, искала внезапно пропавших котят.

Услышав мурлыканье кошки, козлята зашевелились и тихонько заблеяли. Это заинтересовало Мурку, и она решила посмотреть, кто находится в ящике. Увидев козлят, она моментально вздыбила шерсть и выпустила когти. Я хотел уже выбросить её. Но кошка вдруг почему-то успокоилась и, соскочив в ящик, принялась старательно облизывать Белянку и Снежинку. Спустя некоторое время она уже лежала с ними рядом и мирно мурлыкала. Это удивило и обрадовало меня. Я подумал: «А что если козлят отдать под опеку Мурки?»

Я побежал на кухню и рассказал обо всём маме. Мама усомнилась:

— Не может быть! Кошка да вдруг с козлятами!

— Не веришь, сама посмотри, — потянул я маму на веранду.

Заглянув в ящик, она удивилась ещё больше, чем я.

— Что ж, если так, попробуем их накормить всех вместе.





Мама принесла из кухни полное блюдечко молока и поставила под самый нос козлятам. Но они даже не посмотрели на него.

— Ешьте, глупенькие, ешьте, — стал я как можно ласковое уговаривать их, — молочко свежее, вкусное. Вот попробуйте и непременно захотите ещё.

Однако уговоры мои не действовали. Тогда я стал тыкать козлят мордочками в блюдце. Козлята упрямо вертели головами и изо всех сил старались вырваться из рук.

— Ничего, наверное, из этой затеи не выйдет, — сказала мама.

Только я не собирался так быстро отступать и твёрдо ответил:

— Буду тренировать их, пока не добьюсь своего. — И снова стал тыкать козлят мордочками в блюдце. Но результат был прежний. Белянка и Снежинка фыркали и отворачивались, будто перед ними стояло не молоко, а дёготь. Такое упрямство, наконец, разозлило меня. «Сейчас как дам, тогда будете знать!» — пригрозил я козлятам и тут же спохватился: кого я собираюсь побить? Даже стыдно стало от такой мысли!

Но как всё-таки быть?

Придумал бы я что-либо толковое или нет, не знаю. Но тут на помощь мне опять пришла Мурка. Я ведь совсем было забыл о ней, завозившись с козлятами.

Так вот Мурка неожиданно выпрыгнула из ящика и начала лакать молоко, раз за разом поглядывая на козлят, словно приглашая их отведать такое чудесное лакомство. Козлята вначале не обращали на это никакого внимания. Потом, очевидно, их понемножку разобрало любопытство, и они стали присмат-

риваться к кошке. А ещё через минуту Белянка подошла к блюдечку и осторожно лизнула языком молоко. Затем лизнула ещё раз и ещё и начала лакать по-настоящему. За ней потянулась к блюдечку и Снежинка...

Минуло несколько дней, и кошка настолько привязалась к козлятам, что не оставляла их ни на минуту. Она ела с ними из одного блюдечка, прилизывала на них шерстку, вместе играла. А иногда садилась возле них и начинала ласково мурлыкать. Козлята внимательно слушали, будто и в самом деле понимали однообразные Муркины песни.

А козлята всё подрастали. Они уже без посторонней помощи вылезали из ящика и совершали по веранде весёлые прогулки. Подпрыгивали, толкались или бились лбом в лоб, меряясь силами.

Однажды я забыл закрыть дверь, ведущую с веранды на кухню. Козлята вылезли из ящика и пошли разгуливать по дому. На кухне, зазвавшись, они опрокинули ведро с помоями. Потом, спасаясь бегством, разбили вдобавок графин с водой.

«Ну, достанется мне», — подумал я и стал быстро убирать на кухне.

Конечно, без неприятностей не обошлось. Зато после этого случая папа сделал на веранде специальную загородку. Козлятам стало больше простора.

В июле мы уже начали выпускать Белянку и Снежинку на улицу. Они охотно щипали траву, а Мурка присаживалась в сторонке и зорко следила за ними.

Пока козлята находились поблизости, Мурка обычно держалась спокойно. Но стоило им отойти не-



много подальше или разбежаться в стороны, как она начинала волноваться: металась, урчала. Потом не выдерживала, подбегала к Белянке или Снежинке и начинала слегка шлёпать лапой по мордочке: «мол, иди обратно, к своим».

Если же это не помогало, Мурка обхватывала непослушного козлёнка лапами за шею и поворачивала в нужную сторону. И только добившись своего, успокаивалась и начинала блаженно мурлыкать.

В одну из обычных прогулок кошка вдруг куда-то незаметно исчезла. Вернулась она минут через пять. Шагала гордо, степенно. Да и как было не гордиться, когда в зубах у неё была большая мышь!

Мяукая, Мурка подошла к козлятам и положила перед ними свою добычу. Но они, к большому огорчению кошки, даже не обратили на мышь внимания.

Обиженная до глубины души, Мурка демонстративно отвернулась, чтобы не видеть своих питомцев, которые оказались такими неблагодарными.

Как-то летом Белянку и Снежинку выпустили на улицу. Их, как всегда, сопровождала Мурка. Был тёплый, безветренный день. Козлята дружно паслись у забора. Так они добрались до соседних ворот. Поравнявшись с ними, Белянка смело вошла в незнакомый двор. Мурка, конечно, не могла допустить такого безобразия и стала поворачивать

Белянку обратно. Но та почему-то упрячилась. И вот пока они возились, соседская собака залаяла и бросилась на них. Однако не успела она подскочить к Белянке, как Мурка прыгнула на неё и уцепилась за ухо. Собака отчаянно завизжала от жгучей боли и с разорванным ухом помчалась в будку.

Недоверчиво относилась Мурка и к незнакомым людям. Стоило кому-либо из соседей приблизиться к козлятам, как она тут же принимала воинственную позу и начинала угрожающе урчать.

В общем, крепко любила она своих питомцев и бдительно охраняла и оберегала их.

Но вот они-то чем больше росли, тем больше отстранялись от неё. И Мурка, наверное, поняла, что в её опеке козлята больше не нуждаются. Погрустила она, погрустила, да и стала жить в одиночку.

Однако на этом их дружба не порвалась. Как-то козлята наелись ядовитой травы и заболели. Лежали они тихие, невесёлые. И Мурка вернулась к ним. Верным стражем сидела она возле Белянки и Снежинки, пока те не оправились от болезни. Даже ночью не отходила ни на шаг.

А потом... Потом покинула их. На этот раз уже навсегда.

Так окончилась эта необычная дружба между кошкой Муркой и двумя козлятами — Белянкой и Снежинкой.



# Примкновение с Виктором

## Краткое содержание предыдущих глав

**В** ГОРОДЕ появилась таинственная шайка, разбирающая телефонные автоматы. Один из связистов, Вилли, поручил своему племяннику Гансину и его товарищам Паулю, Фрицу и девочке Аннамари выследить преступников. В случае успеха дядя Вилли обещал ребятам вознаграждение.

Первые попытки оказались неудачными. Вскоре к ребятам примкнул ещё один мальчик — Альфред. И вот удача. Гансик обнаружил в телефонной будке плоскогубцы, на которых были бунвы «В. М.». На мальчика, который оставил плоскогубцы, Гансик по неопытности не обратил внимания. Единственно, что он запомнил — у незнакомца был жёлтый портфель и родимое пятно на подбородке. Однажды ребята ехали в метро, и Гансик заметил в вагоне того самого парнишку, который оставил плоскогубцы. Решили его выследить. Впереди шёл Пауль. Когда мальчик с жёлтым портфелем дошёл до дому, Пауль на дверях квартиры прочитал: «Виктор Мартен». Инициалы совпали. Сомнений не было. Это был член шайки. Пауль позвонил. В комнате, в которую он попал, была масса различных аппаратов и приборов, по стенам и потолку тянулись провода. Невольно подумалось, что логово преступника оснащено по последнему слову техники. Мальчик стоял у стола, заваленного инструментом и различными деталями, и очищал свой жёлтый портфель.

Пауль сказал, что он хочет предостеречь мальчика от опасности, и стал выдумывать какую-то правдоподобную историю. Пауль рассказал, что его направили связисты, которые подозревают мальчика в воровстве.

Виктор, так звали мальчика, показал Паулю несколько приборов, которые он мастерил. Из разговора выяснилось, что никакой шайки не было и телефонные автоматы Виктор разбирает один. Просто ему очень нужны были детали. Виктор рассказал, что живёт он у своего дяди Виктора Мартена, к которому приехал в 1945 г., когда родители погибли на войне. Дядя — инженер-электрик. После тяжёлого ранения парализован. Он-то и привил мальчику любовь к технике.

— Сейчас моя мечта, — говорил Виктор, — построить космический корабль и полететь на Марс или Венеру. Хочешь лететь вместе?

Пауль, конечно, согласился. Но Виктор взял с него клятву, что об этом пока никто не должен знать. Они условились снова встретиться.

Дома Пауля с нетерпением ждала мать, а также мужчина и женщина в форме сотрудников Народной полиции. Они пытались выяснить, где был Пауль, т. е. его друзья сказали, что его похитили члены какой-то преступной шайки. Пауль, замаявшись, ответил, что был в кино. Так и ушли полицейские. Быстро перекусив, Пауль побежал к приятелям. Как быть? Что рассказать им, чтобы не выдать Виктора и не нарушить клятвы? Вот он, решающий момент!..

— Или — или!.. — грозно сказал Фриц. Альфред сжал кулаки.

Я вскочил.

Хоппи угрожающе зарычал.

— Если вы на меня наброситесь,

Окончание. Начало см. «Искорку» №№ 2 и 3 за 1959 г.

то вы, понятно, сделаете из меня котлету, это я знаю. Но и каждый из вас получит от меня столько, что три дня будет помнить! — сказал я зло и сделал шаг назад.

Фриц разглядывал меня сверху донизу:

— Он тебе что-нибудь подарил? — резко спросил он.

Я покраснел, но гордость не позволила мне солгать моим друзьям.

— Да, электромоторчик.

— Пфуй! — воскликнула Анна-мари. — Тебя подкупил воришка?

Печально посмотрел я на Анна-мари: как она может подумать про меня такое?

— Даёшь адрес, или нет?

Наш разговор принял очень серьёзный оборот.

— Нет. Этот мальчик мне друг.

— Вон! — Фриц показал на дверь.

Я испугался, увидев враждебные лица. Неужели конец нашей дружбе?

Я сделал ещё одну попытку:

— Я дал клятву!.. Он совсем не плохой, послушайте же...

— Вон! — повторил Фриц.

— Иди, — печально сказала Анна-мари. — Я думала, что ты наш верный друг.

Я пошёл к двери, почувствовал комок в горле и обернулся.

— Даёшь адрес? — ещё раз спросил Фриц.

— Нет, он мой друг...

— Ну, тогда исчезай, иначе... — и Альфред схватился за стул.

Я закрыл за собой дверь и некоторое время стоял, вслушиваясь. В комнате было тихо, они ждали так же, как и я. Хоппи сел на мою ногу и прижался ко мне. Он был печален.

— Я должен спасти Виктора, — тихо сказал я Хоппи. Он лизнул мою руку, когда я его погладил, дорогой верный пёсик Хоппи!

## РЕШЕНИЕ

— КОМЕТА! — кричит Виктор и бледнеет.

Огромная масса какой-то раздробленной планеты летит, громяхая, навстречу нашему космическому кораблю.

— Связь с Землёй прервана, — рычит Виктор, — управление отказывает.

Неужели все труды оказались напрасными? Неужели мы больше не достигнем Земли? Неужели мы бу-



дем разодраны и уничтожены кометой?

Я прыгаю к Виктору и хватаюсь за штурвал управления.

Слишком поздно! Чёрная масса вихрем накидывается на наш корабль. Виктор включает аварийное освещение. В его чёрных глазах вспыхивает огонь.

— Да здравствует дружба! — восклицаю я.

В последний раз пожимаем мы друг другу руки. Корабль переворачивается, свет гаснет.

Огромный огненный шар вспыхивает перед глазами и мчится навстречу. Виктор обнимает меня, мы прижимаемся друг к другу и глядим смерти в лицо. Крик...

— ...Мальчик мой, что с тобой? — слышу я озабоченный голос матери. — Ты вертишься в кровати, кричишь... У тебя болит что-нибудь?

Рука матери гладит меня по голове...

Кулаки я прижал к глазам. Между пальцами увидел круглую лампу спальни, светящуюся, как огненный шар.

— Тебе приснилось что-нибудь? — шепнула мама и взяла меня за руку.

— Виктор... — пробормотал я, — корабль...

Мать наклонилась ко мне ласково и прилегла рядом со мной. Я прижался к ней.

— Мама моя, дорогая моя мама...

— Что, сынок? Говори тише, чтобы не разбудить отца.

— Я хотел бы тебя кое о чём спросить, — шепнул я.

— Спрашивай!

— Можно ли предать друга?

Она нежно погладила меня по волосам и ответила после некоторого раздумья:

— Друга нельзя предавать. Надо всегда держаться своих друзей.

Я вздохнул глубоко, будто беря разбег.

— Да, мама, а если он делает что-то очень плохое?

— Что уж вы можете сделать плохого? Глупостей-то вы делаете достаточно...

— Но то, что он делает, очень плохо, мама!

Я почувствовал, что она испугалась, прижала меня к себе.

— Это так плохо, что его ищут по всему городу!

— Боже мой! — шепнула мать и посмотрела на меня с ужасом.

— Я единственный, кто знает об этом. Могу ли я его предать?

Я слышал, как стучало её сердце.

— Могу ли я его предать?

Мать прижала губы к моему уху и сказала медленно, еле слышно:

— Друга ты никогда не должен предавать. Ты должен за него бороться, помочь ему. Должен оставаться верным ему.

— Да, — громко сказал я.

Мать быстро прикрыла мне рот ладонью:

— Тише... отец!

— Да, — шепнула я, — так и будет: я буду ему помогать и бороться за него... Я останусь ему верным.

— Это Фриц?

— Нет.

— Гансик?

— Нет.

— Новенький?

— Альфред? Тоже нет.

— Разве у тебя есть ещё друзья?

— Виктор.

— Виктор? О нём ты никогда не говорил.

— Я знаю его лишь с сегодняшнего дня.

Рядом в комнате заворочался отец: свет из моей комнаты мешает ему спать. Я быстро вскочил с постели и выключил свет.

— Остайся ещё немного у меня, — попросил я тихо, залезая опять под одеяло. — Я тебе хочу кое-что рассказать.

Так я и не сдержал клятвы, которую дал Виктору. Я сделал это совершенно спокойно и без угрызений совести. У меня даже не было чувства, что я его предаю. Скорее, наоборот: мне казалось, что я бы его предал, если бы сейчас не говорил. Я рассказал моей матери о нашей охоте за предполагаемой шайкой, о находке Гансика в кабине автомата и о наших поисках мальчика, позавывшего плоскогубцы.

Затем я рассказал, как мы с Виктором стали друзьями и как был



Виктор счастлив, получив впервые настоящего друга. Но вдруг я осекся. Я вспомнил про нашу тайну и про честное слово, которое я дал Виктору.

Клятву я нарушил, и это было правильно. Это было необходимо, чтобы спасти Виктора. Одному мне с этим не справиться — это я знал твёрдо.

Но честное слово, наша тайна о полёте в мировое пространство? Об этом я не должен говорить, это — свято! Это касается только моего друга и меня.

Моя мать заметила, что меня ещё что-то тревожит:

— Ты всё рассказал?

— Да... Нет... Это... это тайна... наша с Виктором тайна. Я дал честное слово...

— Что-нибудь опасное?

— Нет... Ничего плохого, — сказал я, — это даже что-то очень хорошее... Что бы ты сказала, если я когда-нибудь что-то совершу, что будет иметь большое значение для всего человечества и для науки?.. Но это опасно, мама, и мы можем погибнуть при этом! Что бы ты сказала?

Мама долго молчала. Потом прижала меня к груди, и вдруг я почувствовал, как тёплые влажные капли упали на моё лицо.

— Я была бы очень опечалена, я страшно боялась бы за тебя, но я бы и гордилась моим храбрым сыном!

Я лежал счастливый и слушал, как билось сердце моей дорогой мамы...

Медленно двигалась луна в ночном четырёхугольнике окна... «Ну, подожди же, — подумал я, — скоро мы насядем на тебя, миленькая. Нечего делать такое таинственное лицо. Не исключено, что первые, которые прикоснутся к твоей холодной поверхности, будут называться Виктором и Паулем. Ухмыляйся, мы с Виктором тебе покажем!»

## Я ПОСВЯЩАЮ СВОИХ ДРУЗЕЙ

**КОГДА** я на следующий день пришёл на школьный двор, мои друзья стояли, как всегда, под третьим каштаном. Все четверо повернулись ко мне спиной. Я знал, чего хотел, и решительно направился прямо к ним.

— Здравствуйте, — сказал я. — Пойдёмте-ка со мной.

— Куда? — настороженно спросил Гансик.

— К директору, — ответил я.

Они посмотрели на меня с недоумением.

— Вперёд! — крикнул Фриц. — Мы идём с тобой...

Они чуть не лопались от любопытства, но никто не спрашивал, что мне надо у директора. Секретарша доложила о нас. Долго нам не пришлось дожидаться.

— Здравствуйте, товарищ директор, — сказал я. — Мы хотим вас попросить освободить нас на сегодня от занятий. Нам удалось раскрыть большую кражу, мы хотим... мы хотим...

Я начал заикаться, не мог же я сказать, что мы хотим сообщить об этом полиции, ведь это не соответствовало действительности.

— Вы хотите возбудить дело против виновных? — спросил директор. — А вы знаете, как это нужно делать?

— У нас есть человек, который нам поможет. Это дядя Гансика.

Директор рассматривал нас дружелюбно.

— А разве недостаточно, если только один или двое из вас займутся этим?

— Нет, — сказал я громко и решительно, — это наше общее дело, и касается каждого из нас. В течение нескольких недель мы вместе разыскивали преступников, и теперь также хотим действовать сообща.

— Та-ак... — протянул директор и посмотрел на меня поверх очков, как Юлий Цезарь. — У вас сегодня не два ли часа математики?

Мы должны были признаться, что это действительно так, но...

— Ну, хорошо, — прервал он нас, — идите и сделайте всё, как полагается, Шерлок Холмс.

Едва мы закрыли за собой дверь, Гансик не удержался и возбуждённо спросил:

— Ну, куда теперь?

— Сначала к дяде Вилли, — сказал я.

— А потом?

— Потом мы нагрянем к Виктору...

— Что хорошо, то хорошо, — сказал Фриц и дружески отпустил мне удар по рёбрам.

Альфред описал в воздухе круги кулаками и сказал:

— Если дело дойдёт до крайности, то можете меня использовать как тяжёлую артиллерию!

— Ты с ума сошёл! — крикнул я. — Бить Виктора? Он наш друг!

Гордо ударил я себя в грудь и, наслаждаясь тем впечатлением, которое произвожу на Аннамари, Фрица, Гансика и Альфреда, рассказал им о своём вчерашнем приключении. Всё, кроме нашей тайны.

## ГЛАЗА ДЯДИ ВИЛЛИ СТАНОВЯТСЯ БОЛЬШИМИ

— А вы опять здесь! — Дядя Вилли радостно ударил меня по плечу. Он сидел за столом, на котором лежало множество бумаг.

— Пауль был в главном логове шайки, — весело выпалил Гансик.

— Что? — дядя Вилли сделал большие глаза. — У тебя есть адрес?

— У него есть адреса всех членов шайки, — Гансик подмигнул нам.

— От удивления дядя Вилли раскрыл рот:

— Это верно?

— Точно, — подтверждаю я. — Но шайка состоит из одного человека.

— Как его зовут? Где он живёт?

Я назвал адрес Виктора. Дядя Вилли записал его на клочке бумаги.

— Ну, а что с мальчиком, у которого родимое пятно?

— Это и есть воришка — Виктор Наводный.

— Как? — крикнул ошеломлённый дядя Вилли. — Не думаете ли вы, что я поверю, будто мальчишка... — Он разорвал бумажку с адресом. — У меня нет времени шутить с вами. Рассказывайте покороче, зачем вы пришли, а затем исчезайте, вы, фантазёры! Кстати, почему вы не в школе?

— Послушайте меня десять минут, дядя Вилли, — сказал я и начал описывать мои приключения.

Глаза дяди Вилли становились всё больше и больше, часто прерывал он меня удивлёнными возгласами, а ко-

гда я рассказал о предохранительном устройстве, которое Виктор знает, как свои пять пальцев, он стукнул кулаком об стол:

— Вот так номер! Каков мальчишка! Месяцами водить нас за нос!..

Когда я окончил, дядя Вилли вскочил и начал ходить взад и вперёд по комнате. Наконец он сказал:

— Гм-гм... Это очень серьёзное дело. Такой шустрый парнишка, настоящий маленький инженер, но вор! Прожжённый маленький бандит!..

— Что вы с ним собираетесь делать? — спросил я. — Он мой друг, учтите. Вы должны нам помочь... Его... накажут?..

— Само собой... Думаю, что в тюрьму его не засунут, но... существуют исправительные дома для маленьких грешников. Им там, правда, неплохо, но кто уйдёт охотно от родителей и друзей? Да и дисциплина там намного строже, чем в школе.

Я подумал о дяде Виктора. Что с ним станет, если Виктора отдадут в исправительный дом?

— Мы сами хотим воспитывать Виктора, — сказала Аннамари.

— Сейчас мы сообщим в Народную полицию и тогда уж вместе обсудим, что делать.

Дядя Вилли взялся за телефонную трубку.

— Стойте! — крикнули мы разом. — Разве нельзя обойтись без полиции?

Дядя Вилли опустил руку с трубкой:

— Народная полиция поможет вашему другу.

— Ну, а если дело обернётся серьёзно? — спросил я с отчаянием. — С ним ничего не должно случиться!

— В конце концов вы ведь не можете требовать, чтобы они принесли мальчишке цветы и шоколад. Но они ему помогут выйти на верную дорогу, — сказал дядя Вилли.

Четверть часа спустя в комнату вошла женщина-полицейский, которая была вчера у нас дома. Улыбаясь, она кивнула мне:

— Я так и думала, что ты ещё

что-нибудь вспомнишь. Ну что ж, расскажи-ка...

И вот в третий раз за день я рассказываю.

Фрау Вернер, так звали женщину-инспектора полиции, похвалила нас за нашу выдержку и сказала:

— Мы поговорим с Виктором, тогда будет видно, что дальше делать.

Мы решили, что на следующий день в два часа дня я должен буду пойти к Виктору. А через полчаса туда подойдут дядя Вилли, фрау Вернер и мои друзья. В течение получаса я подготовлю Виктора к приёму «гостей». Затем уже мы сможем поговорить спокойно и в дружественной обстановке. После этого дядя Вилли поставит в известность руководство отдела связи.

— Может быть, всё же дело не обойдётся без бокса? — воскликнул Альфред, нанося в воздухе страшный удар кулаком.

— С ума сошёл! — прорычал я. — Такие дела решаются головой, а не лапой!

## «НА ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ»

**С** ТЯЖЕЛЫМ сердцем поднимался я по лестнице к Виктору. Ещё никогда я не брёл так медленно.

Поймёт ли Виктор, что я это сделал из чувства дружбы?

Виктор ждал меня с книгой в руках перед открытой дверью в квартиру. Он приложил палец к губам.

— Мой дядя как раз заснул, — прошептал он. — Я видел с помощью «шпиона», как ты подходишь.

Он пожал мою руку. Я видел, что он рад моему приходу.

— Тут такая смешная история, — он показал на книгу. — Двое мальчишек прокладывают телефонную связь от квартиры к квартире, это такие игрушечные аппараты. Вот умора! Они так долго возятся со всем этим, что у них остаётся только один звонок, да и тот не звонит, потому что один мальчик разбирает сухую батарейку. И знаешь, для чего? Он ищет там электричество!

Виктор весело засмеялся. Он не дал мне даже рта раскрыть.

— Послушай-ка, я должен тебе прочитать это место!

— Ну, хорошо. — Я смирился и стал слушать.

История была действительно забавная, но на чтение её ушло примерно четверть часа. Я решил, что теперь, пожалуй, надо бы сообщить о предстоящем посещении дяди Вилли, фрау Вернер и моих друзей. Дважды я открывал рот и, даже не могу этого объяснить, закрывал его, так и не выдавив из себя ни звука.

— В четырнадцать тридцать передадут что-то о реактивной отдаче, мы с тобой послушаем это.

«В четырнадцать тридцать здесь произойдёт другая отдача, если я немедленно не открою рта, — подумал я. — Остаётся немного времени».

Я решил начать издали:

— Бывают ли у тебя гости, Виктор?

— Нет, — ответил он. — Я ведь не могу никого сюда впустить.

— А если всё же кто-нибудь пришёл бы?

— Ко мне никто не придёт, ты можешь быть совершенно спокоен.



— А если всё-таки кто-нибудь зайдёт? — настаиваю я упорно, — сегодня, например?

— Кто же может ко мне прийти? Я никого здесь не знаю...

— Но ведь я-то к тебе пришёл, не зная тебя?

Виктор засмеялся:

— Это совсем не то...

Я очень рассердился на себя за то, что говорил жуткую чепуху и не находил в себе мужества сказать Виктору правду. А это надо было сделать во что бы то ни стало. Сейчас они придут!..

В этот момент зазвенел звонок. Я вздрогнул и испугался так, что не мог выговорить ни слова.

— Кто это? — прошептал Виктор.

Я стоял, как парализованный.

Виктор подбежал к своему дверному «шпиону» и заматался возле него бледный, как смерть. У меня в горле пересохло от ужаса.

— Полиция, — шепнул Виктор. — И кто-то в форме связиста и ребята — этот дурацкий толстый мальчишка. Мы должны бежать!

Он прыгнул к окну и открыл его.

— Постой, Виктор! — прохрипел я. — Это — друзья.

— Ты?!..

Поражённый Виктор смотрел несколько секунд на меня. Затем его глаза загорелись бешеной ненавистью.

— Это хорошие друзья, — заикнулся я.

Раньше чем я успел моргнуть, Виктор размахнулся и стукнул мне между глаз с такой силой, что у меня дух захватило. Я отшатнулся.

— Изменник! Негодяй! — прошипел Виктор и прыгнул на подоконник.

«Если он исчезнет, он станет преступником, — как молния, пронеслось в моём уме. — Я должен его удержать!»

Я бросился к Виктору, схватил его как раз в тот момент, когда он хотел выпрыгнуть, и изо всех сил оттащил от окна.

В этот обеденный час улица — это я успел заметить в долю секунды — совершенно пустынна.

Мы оба упали на пол. Я так ударился о доски, что мне показалось,



будто голова раскололась на части.

— Отпусти, паршивая собака! — прохрипел Виктор.

Тут мой взгляд упал на кнопку, с помощью которой Виктор включал автоматический открыватель двери.

Виктор заметил мой взгляд и молниеносно отгадал мою мысль.

Мой прыжок к кнопке запоздал. Виктор оттолкнул меня назад, в сторону большого стола. Задребезжали батареи, аккумуляторы и элементы, несколько пустых стаканов упали на пол и разбились.

В этот момент снова раздался звонок. Он побудил Виктора к ещё более отчаянной попытке к бегству. Сверхчеловеческим усилием зажал я своего противника в клещи. Захваченный врасплох, он тяжело дышал.

Я начал медленно, сантиметр за сантиметром, пробираться к заветной кнопке.

Виктор, разгадав моё намерение, начал метаться и подпрыгивать. Я потерял равновесие, и мы оба свалились на этажерку. При этом мы сбросили с неё ящик с инструментом, который с грохотом упал на пол.

Потная, ставшая гладкой голова Виктора выскользнула из моей хватки — он свободен.

Мы вскочили на ноги и несколько секунд стояли друг против друга, шатающиеся от усталости, задыхающиеся. Внезапно Виктор сделал сумасшедший прыжок к окну. Я опять схватил его. Он ударил меня в подбородок так, что я полетел в угол, но по инерции он также упал.

Теперь всё. В углу моя рука как раз приземлилась у заветной кнопки.

Лёгкое нажатие. Знакомое жужжание...

— Трусливый изменник! — крикнул Виктор и снова прыгнул к окну.

В последний раз я поймал его, стащил вниз. Его курточка с треском разорвалась сверху донизу. При падении мы опрокинули радиоприёмник. Он со звоном упал на пол.

Когда дядя Вилли, фрау Вернер и мои друзья ворвались в комнату, у меня уже не было сил. Они схватили бушевавшего Виктора, который бил вокруг себя руками и ногами. Ни-

чего не оставалось, как связать ему руки и ноги электрическими проводами, которых в комнате было предостаточно.

Я сел на стул. Комната танцевала перед моими глазами. Из носа текла кровь.

Мой друг Виктор, для которого я сделал бы всё на свете, лежал на полу связанный, с закрытыми глазами, весь в синяках, бледный.

## ВМЕШИВАЮТСЯ ДРУЗЬЯ

**В**СЁ ещё задыхаясь, я сидел и рассматривал собравшуюся компанию.

Фрау Вернер стояла, прислонясь спиной к открытому окну. Её взгляд скользил по комнате, задерживался то здесь, то там, останавливался на Викторе, и при этом лицо её выражало любопытство. Дядя Вилли смотрел с удивлением на электрические устройства и всё время покачивал головой.

Гансик таращил глаза попеременно то на Виктора, то на меня, и его рот так широко раскрылся, что туда без особых усилий можно было бы вложить довольно крупную картофелину. Альфред разглядывал Виктора и меня глазами третьей стороны: кому из нас больше досталось? Фриц также внимательно смотрел на меня и на Виктора, но, очевидно, пытался сообразить, почему мы так разодрались.

Лицо Аннамари печально. В глазах — сочувствие. Я рад этому, хотя настроение у меня было прескверное.

Никто не произносил ни слова.

Все ждали, чтобы начал я, как главное действующее лицо.

Постепенно моё дыхание восстановилось, и я как раз обдумывал, с чего начать, как вдруг все вздрогнули — зазвонил один из телефонов.

Оцепенение Виктора исчезло: он повернул голову и открыл рот, будто хотел что-то сказать.

Я встал, прихрамывая пошёл к столу и взял телефонную трубку.

— Не эту — аппарат справа, — сказал Виктор хрипло.

Я поднял трубку и поднёс её к уху Виктора. Он прислушался.



— Да, дядя?.. Мне очень жаль, что мы тебя потревожили, у меня здесь несколько друзей. — Его голос почти нормален и нежен. — Да, мы были чересчур шумны и бесновались сверх меры. Я приду к тебе попозже, когда мои друзья уйдут.

Виктор кивнул мне коротко. Во время разговора с дядей его лицо немного просветлело, но теперь выражение его опять стало мрачным и презрительным. Две слезы выскользнули из ресниц.

— Друзья! — горько повторил он и бросил на меня короткий, полный ненависти взгляд. — Хороши друзья!

Теперь я уже не смог удержаться. Я проковылял к инструментальному ящику, взял кусачки и перекусил все провода, которыми был связан Виктор.

— Да, — сказал я, — друзья! Ты можешь выговорить это спокойно, без яда и желчи: настоящие друзья.

Он остался недвижим, хотя проводочные оковы упали на пол.

К нему подошла Аннамари.

— Да, Виктор, — сказала она, — Пауль действительно твой друг. Если бы ты знал, сколько он вытерпел уже из-за тебя! Вчера он даже поспорил с нами. Но теперь он хочет, чтобы и мы стали твоими друзьями. И работник связи и женщина из Народной полиции пришли к тебе как твои друзья...

Виктор повернул голову и подозрительно посмотрел на Аннамари из-под полуоткрытых век.

— У тебя есть какая-то тайна с Паулем?

Виктор пристально посмотрел на меня.

— Он нам так и не выдал эту тайну, — тихо сказала Анна-мари.

— Так ли это? — быстро спросил Виктор, прямо сверля меня чёрными глазами.

— Да... Это останется нашей тайной. До тех пор, пока ты сам не захочешь открыть её, — сказал я.

Фрау Вернер поставила перед Виктором стул.

— Садись! Нам хотелось бы поговорить с тобой.

Виктор медленно поднялся с пола и сел. Дядя Вилли пристроился на краю стола, Гансик и Альфред расположились по-турецки на полу — каждый устроился поудобнее.

«Теперь, — подумал я, — вот теперь выяснится, предал ли я Виктора или нет».

— Да, — начала фрау Вернер, — если бы ты был старше, то на твоих руках красовались бы сейчас наручники и ты сидел бы за решёткой. Понимаешь ли ты это, Виктор?

Он робко кивнул.

— Виктор, — тихо сказал я, — можешь ли ты дать нам честное слово, что никогда больше не... — Я был не в состоянии произнести проклятое слово «красть» и сделал рукой хватательное движение.

Виктор посмотрел на меня:

— Да, — ответил он также тихо, — я даю честное слово, что никогда этого больше не сделаю.

— Он этого больше не сделает, — сказал я обрадованно фрау Вернер. — Вы можете быть в этом абсолютно уверены!

Дядя Вилли вмешался в разговор:

— Послушайте, я полагаю, что Пауль действовал здесь не совсем правильно, не так ли?

— Я не мог... — заикнулся я и покраснел, устыдившись своей трусости.

— Давайте оставим Виктора и Пауля вдвоём. Пусть они договорятся до конца, — предложил дядя Вилли. — Сегодня, я думаю, наш общий разговор не сможет состояться. А завтра

мы встретимся в два часа на телефонной станции.

— Завтра сообщай и решим, как можно помочь Виктору, — кивнула фрау Вернер.

— Да, и он должен нам показать, как он это проделывал, сорванец! — закончил дядя Вилли.

Когда все ушли, мы с Виктором взялись за уборку поля битвы и постепенно стали обсуждать сложившееся положение.

Эпизод за эпизодом рассказывал я Виктору, как мы разыскивали его. Особенное удовольствие ему доставила история с Хоппи.

— От меня твой Хоппи также получит сардельку! — воскликнул Виктор. — Но за то, что он не нашёл меня!

— Знаешь что, — предложил я. — Идём ко мне ночевать, тогда мы сможем ещё долго болтать... Мама будет рада видеть тебя...

Виктор уже повеселел.

— Но мой дядя? — сказал он. — Я ещё никогда не уходил на ночь из дому.

— А ты попроси у него разрешения.

— Разрешить-то он разрешит, я всегда могу делать всё, что хочу, — объяснил Виктор не без некоторого самодовольства.

Действительно, Виктор пошёл ко мне.

Мать постелила ему на диване. Прежде чем лечь спать, мы наблюдали за полнолунием. Виктор назвал мне имена больших лунных кратеров.

— На луне мы должны быть одеты в непроницаемые, герметические панцири, — сказал он. — И разговаривать друг с другом сможем лишь по радио.

— Ну, а животные?

— И животные должны быть в панцирях.

— А существуют ли такие панцири для животных? — спросил я.

— Нет, нам придётся сконструировать. Вообще у нас ещё очень много дела, пока мы не приготовимся к полёту.

Луна заглянула в окошко, а мы всё ещё шептались и шептались без кон-

ца. Наконец веки наши начали склеиваться, и мы провалились в сон, не успев пожелать друг другу спокойной ночи.

### ЧТО БУДЕТ С ВИКТОРОМ?

**КТО-ТО** тронул меня. Я проснулся и прищурил глаза от яркого солнца.

— Виктор исчез, — сказала мама с тревогой. — Он говорил тебе что-нибудь?

— Нет!

Я вскакиваю. Диван пуст, одежды Виктора нет.

Окно раскрыто. Я влез на карниз и прыгнул. На грядках свежий след. Убежал! Я был огорчён и разочарован. Медленно вернулся в дом. Когда я уже сел за стол завтракать, вдруг раздался звонок.

Я кинулся к двери. Передо мной стоял Виктор.

— Доброе утро! — крикнул он. — Я должен был скорее попасть домой. Ведь это был бы первый раз, когда я утром не поздоровался бы с моим дядей!

У меня точно гора свалилась с плеч, моя мать тоже улыбнулась.

Мы позавтракали вместе, а затем каждый из нас пошёл в свою школу.

Под третьим каштаном меня на этот раз ожидал совсем другой приём. Я дал друзьям точную информацию с «фронта» и пожинал зависть и восхищение. Лишь Аннамари умерила мой пыл, заметив:

— Всё это ужасно волнующе, но было бы лучше, если бы ты своевременно открыл рот.

— Чепуха! — крикнул Альфред. — Зато это был бой! Но неужели ты не мог приземлить его одним хорошим ударом!

В этот день мы были на уроках очень невнимательны. Гансик так влип на математике, что нам стало очень стыдно за него. Иногда он так туго соображает, что не в состоянии подсчитать шестью шесть!

Наконец кончился шестой урок... Мы заторопились.

Виктор пришёл аккуратно. Был серьёзен и задумчив. Для него исход переговоров имел большое значение, это понимали мы все.

— Не бойся, — сказал я. — Без нашего ведома они ничего не могут тебе сделать, ведь, в конце концов, поймали тебя **МЫ!**

— Парень! — крикнул Гансик. — Ну, а как же с вознаграждением — оно уже подлежит выплате?

— Что? — спросил Виктор. — Деньги вы тоже хотите на мне заработать? Вы — продавцы людей?

Мы засмеялись.

— Посмотрим, во сколько они тебя оценят...

...Дядя Вилли встретил нас с озабоченным видом.

— Представьте себе, — пробормотал он, — здесь мне никто не верит. Они смеются надо мной, говорят, что я попался на вашу удочку. Четырнадцатилетний мальчишка не в состоянии так ловко работать, утверждают они, в этом деле должны быть замешаны специалисты.

Мы оскорбились за Виктора.

— Покажи-ка им! — сказал Гансик. — Они хотят как-нибудь выкрутиться и не платить нам! Двадцать фунтов миндальных конфет, на которые я рассчитываю...

Дядя Вилли ухмыльнулся:

— Сперва мы должны доказать, что это был Виктор!

Он привёл нас в помещение с надписью на двери:

### ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ

Там мы застали фрау Вернер разговаривающей с тремя мужчинами. Она познакомила нас. Один из них был работник дирекции, оба других — инженеры: старший — лысый, у молодого — усики, как зубные щётки.

На нас смотрели с любопытством, в особенности на Виктора, который был внешне спокоен и заинтересованно рассматривал цветные таблицы и модели, висящие на стенах.

— Итак, ты разбираешься в телефонах? — спросил лысый инженер.

Виктор кивнул.

— И ещё как понимает! — воскликнул Гансик, но мы ему быстро заткнули рот.

Мы сели за круглый стол. Оба инженера переглянулись.

— Можем мы тебе задать небольшую задачу? — спросил представитель

дирекции, худощавый, бледный человек с добрыми глазами.

Виктор снова молча кивнул.

Инженер с усиками подошёл к шкафу, пошарил там немного и принёс на стол провода, микрофоны, магниты, винты. Затем он обратился к Виктору:

— Здесь лежат детали, из которых состоит телефон. Попробуй собрать его.

Виктор потребовал плоскогубцы и отвёртку и молча принялся за дело.

Потом неожиданно взял несколько деталей и положил их на стол перед инженером с усиками.

— Эти детали к телефону не относятся, например, селеновый элемент от телевизора. Из остальных деталей можно собрать телефон.

Инженеры переглянулись.

— Что ж, собирай! — произнёс «зубная щёточка» не без ехидства. — Делай так, как считаешь правильным.

— Да? — откликнулся Виктор тоже не без насмешки. — Только предупреждаю, это будет довольно странный прибор. Ведь детали, которые вы мне дали, от разных систем.

— Чёрт возьми! — вырвалось у старшего инженера. А Гансик захлопал в ладоши, причём мы все усердно помогали ему.

Улыбаясь, я смотрел, на дядю Вилли. Его озабоченное лицо прояснилось.

«Зубная щёточка» засмеялся:

— Первый раз попал в такую историю.

Все заинтересованно следили за работой Виктора. Наконец он сказал:

— Пожалуйста, готово!

Гансик облегчённо вздохнул.

— Безупречно! — сказал лысый инженер с ноткой уважения в голосе.

— У тебя только практические знания или также и теоретические? Я имею в виду физику и математику...

— О да! — быстро ответил Виктор, — математику я очень люблю, а по физике я главным образом интересовался электричеством. Моим учителем был дядя.

— Ну, а как с такой задачей? — спросил худощавый и протянул Виктору бумажку, в которой было что-то написано.

Виктор взглянул.

— Уравнение с тремя неизвестными? Но ведь это очень просто!

Он попросил карандаш.

— Возьми мой! — воскликнул я.



В несколько минут Виктор справился и с этим.

— Правильно!

Полное признание!

— Но вот истории с предохранительным устройством мы всё же не верим, — сказал «зубная щётка». — Кто его отключал?

— Предохранительное устройство очень плохое, — ответил Виктор, схватил карандаш и на обратной стороне записки набросал эскиз. — Здесь эта крышка должна быть четырёхугольной, тогда никто не сможет отключить предохранительное устройство без того, чтобы оно не сработало. Почему вы не сделаете так?

Три связиста посмотрели эскиз, а затем молча глянули друг на друга. Потом лысый спросил:

— Скажи-ка, мой мальчик, кем ты хотел бы быть?

— Инженером, — спокойно ответил Виктор.

— А по какой специальности?

Виктор бросил взгляд на меня.

— Этого я не скажу, — он засмеялся. Мне стало жарко от гордости за моего друга.

— Но при всех обстоятельствах электричество я хочу изучить основательно, — добавил он.

— Это очень хорошо, — согласился худощавый. — Но мы должны обсудить с тобой ещё один вопрос. Знаешь ли ты о том, что ты причинил почте, являющейся собственностью государства, большой убыток?

— Да, я знаю это, — сказал Виктор, — но я обязательно возмещу убыток. — Он вытащил из кармана курточки тетрадь. — У меня всё записано, это примерно составляет две тысячи марок.

Худощавый открыл папку с актами и посмотрел на нас посерьёзневшими глазами.

— А испорченные аппараты? Это одно даёт десятки тысяч...

— Запишите всё на мой счёт. Я оплачу, как только сделаю моё первое изобретение, — ответил Виктор, протягивая свою тетрадь.

— Ну, а аппараты, которыми мы заменим сломанные? И это обойдётся в десятки тысяч, ты там так находчивничал!

— Я вынужден был всегда торопиться, — смущённо пробормотал Виктор, — вот мне и приходилось часто разрывать провода и ломать детали, запишите это тоже на мой счёт.

— Ну, а техники, которые, вместо того чтобы делать полезную работу, теряли время на исправление сломанных тобой аппаратов? А ущерб, причинённый тем, что использованные при ремонте материалы отсутствовали там, где они срочно были нужны?

— А заботы и хлопоты, причиной которых ты был? — продолжала фрау Вернер. — Разве можно это компенсировать деньгами? Об этом ты никогда не думал?

Виктор опустил голову. Я сочувствовал ему, но фрау Вернер была права, в этом нечего сомневаться.

— А досада, которую испытывают люди, стоящие перед испорченными аппаратами, когда надо срочно куда-нибудь позвонить?

— Деньгами этого не исправишь. Так обстоит дело, — добавил дядя Вилли.

Наступило молчание.

— Я очень жалею об этом, — хрипло сказал Виктор.

— И как же ты намерен исправить сделанное тобою? — серьёзно спросила фрау Вернер.

«Он полетит на Луну! Мы исследуем космическое пространство! Разве это ничто?» — хотелось мне крикнуть.

Виктор сидел на стуле молчаливый и пристыжённый и всё время старался поставить карандаш на маленькую круглую поверхность. Карандаш опрокидывался.

— Это можно исправить, — сказала фрау Вернер, — только изменив самого себя, прекратив жить обособленно от других и думать только о себе.

## ПРОЩАНИЕ

**Ц**ЕРЕЗ несколько дней Виктор уезжал в детскую колонию. Его направили туда на один год.

Мы пытались внушить Виктору, что в колонии — рай, что каждый из нас охотно поехал бы туда.

Но, очевидно, он раскусил нас, ведь наши слова были не совсем искренни.

Никто из нас не поехал бы охотно в колонию.

Кто захочет расстаться надолго со своими друзьями и родителями? Со своими рыбками, почтовыми голубями, собаками? Я хотел бы видеть такого!

— Раз я нашкодил, значит нужно и расхлёбывать, — сказал Виктор. — А там видно будет.

Дядя Виктора был принят в дом престарелых, и мы его дважды навестили все вместе. Он действительно был не без странностей, но он сиял, когда видел Виктора, и видно было, что и Виктор очень привязан к нему. О плохих делах Виктора он ничего не узнал. Он соглашался со всем, раз это должно было пойти на пользу Виктору. Своё изречение «Сильный мощнее всего — один» он взял с собой.

Накануне отъезда Виктора мы собрались на чердаке за голубятней. Мы сидели молча. Нам было грустно. И вдруг мне в голову пришла великолепная мысль.

— Послушайте-ка, — торжественно сказал я, — вы ведь знаете, что у нас с Виктором есть одна тайна. Я предлагаю, чтобы вы все сегодня узнали её. Пусть Виктор помнит, что у него здесь остались настоящие друзья.

— Согласны! — крикнул Гансик, которого наша тайна уже давно мучила.

— Это ещё ничего не значит, — с укором сказал я, — ведь речь идёт обо мне и Викторе. Это ведь мы дали друг другу честное слово!

— Я согласен, — серьёзно сказал Виктор. — Вы — верные друзья, и нам нечего скрывать друг от друга.

Все затаили дыхание.

— Пауль и я собираемся полететь на Луну. Сконструировать межпланетный корабль и исследовать космическое пространство.

Раздался вздох восторга.

— Возьмите меня с собой! — вдруг попросила Аннамари.

— Химик нам нужен, — сказал я Виктору.

Виктор кивнул.

— Принята!

— А как насчёт вторых инжене-

ров? — взволнованно спросили Фриц и Альфред.

— Приняты! — улыбнулся Виктор.

У Гансика запыхлала щека, он сидел молчаливый и печальный, нам стало жалко его.

— Гансик! — сказала Аннамари, доброе сердце, — может быть, для тебя найдётся что-нибудь на земле, ведь мы должны иметь всё время связь с землёй!

— Ты азбуку Морзе знаешь? — строго спросил Виктор.

— Нет, но я хочу изучить её, — проворкотал Гансик. — Аннамари — девочка, и я ничего не имею против, но... — Он запутался.

— Послушай, не говори ничего про Аннамари! — угрожающе сказал Виктор, да и мы сердито глянули на Гансика.

Он покраснел, как бурак, но продолжал:

— Нет, я ничего не хочу сказать против Аннамари. Но что она будет делать, когда вы будете там, наверное? — и он показал на небо.

— Что она там будет делать? — гневно кричу я. — Анализы она там будет делать, она должна исследовать всё, что нам попадётся.

— Ага! Значит, целые дни она будет занята своей химией?

— Да, целый день, а иногда даже ночь, — подтвердил я.

Круглое лицо Гансика прояснилось:

— Значит, времени для варки пищи у неё не будет?

Озадаченные, мы посмотрели на Гансика.

— Понятно, у неё не будет времени.

— Значит, не будет времени! — блаженно повторил Гансик. — Также и для штопанья и для всяких починок и ремонтов? Друзья! Возьмите меня поваром. У меня уже есть поваренная книга.

— Принят! — загалдели мы радостно и пожали Гансику руку.

— Открываю первое собрание команды нашего межпланетного корабля, — сказал я. — Порядок дня: первое — выборы руководителя экспедиции; второе — выбор названия для нашего корабля.

Потом все утверждали, что это был лучший из наших вечеров. И я того же мнения. Сначала мы единогласно выбрали Виктора руководителем экспедиции. Аннамари стала его заместителем — это уже из-за равенства полов. Секретарём был избран я. Затем мы обсудили имя нашего корабля.

Было много предложений: Старт, Луна, Почтовый голубь, Комета...

— Я предлагаю другое имя, — сказал я. — Назовём корабль «Виктор», что означает «победитель». Кроме того, это имя человека, который создаст наш корабль.

Принято! — сказали все и подняли руки.

Я глянул на Виктора. Его глаза вспыхнули, щеки зарделись.

— Товарищи, — сказал он, — мы достигнем нашей цели. Я готов отдать свою жизнь во имя достижения её.

— Мы тоже! — откликнулись все.

На другой день мы провожали Виктора на вокзале.

Подошёл поезд. Мы внесли вещи в вагон, простились с Виктором и с женщиной, которая сопровождала его в колонию. Потом вышли на перрон.

Виктор подошёл к окну.

— Всё будет хорошо, Виктор! — сказала Аннамари.

Он кивнул.

— Я выдержу год. Выдержу...

Я обнял друзей.

— Что бы ни произошло, команда «Виктора» стоит друг за друга!

— Друг за друга! — тихо повторили Аннамари, Фриц, Альфред и Гансик.

Друг за друга! — откликнулся Виктор.

Это звучало как клятва.

Поезд тронулся. Мы пошли рядом с вагоном. Но колёса стучали всё быстрее и быстрее. Нам было не угнаться за ними.

Так окончилось приключение с Виктором.

Впрочем, это не конец. Уверю вас.

Хорошо жить, когда у тебя есть верные друзья!

Нас ждут удивительные дела, необыкновенные приключения. Мы полетим в космос!

И тот, кто не верит, прочтёт когда-нибудь об этом в газете.

Перевёл с немецкого Л. ПАС







**М**НОГИМ читателям нравятся задачи-картинки «на одну букву». «Очень хорошо, если бы вы печатали такие игры на внимание почтаще», — пишет ученица 5-г класса 16-й школы Люда Крюкова. «Как можно больше (по возможности, конечно), давайте таких рисунков, — просит ученица 7-г класса 209-й школы Наташа Шитц. — Они развивают наблюдательность!» К их просьбе присоединяются многие читатели «Искорки».

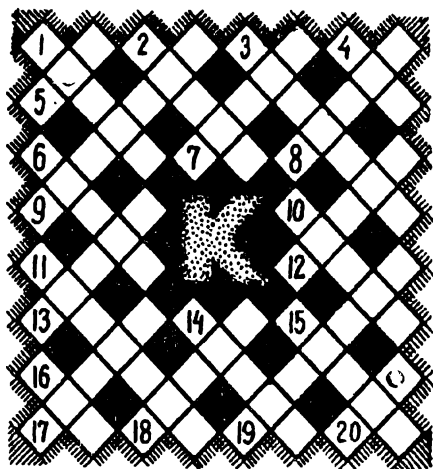
Вот мы и решили напечатать в этом номере рисунок-загадку на букву «б». Слова для него подобрал ученик 4-г класса 164-й школы Саша Садовый. Художник А. Илючен использовал большую часть слов из его списка (названия предметов и сказочных героев) и добавил ещё свои. Для рисунка использовано 50 слов на букву «б», но их, по-видимому, больше.

Подумайте хорошенько, прежде чем отправить письмо в редакцию. И пишите аккуратнее — чернилами, без ошибок. Не забудьте указать своё имя, фамилию, класс, школу и домашний адрес.

В шестом номере «Искорки» будут опубликованы список правильных слов, присланных читателями, и фамилии ребят, которые раньше других пришлют наибольшее их количество.

## КРОССВОРД

Составил Ф. ФОРТУНЮК (г. Тирасполь)



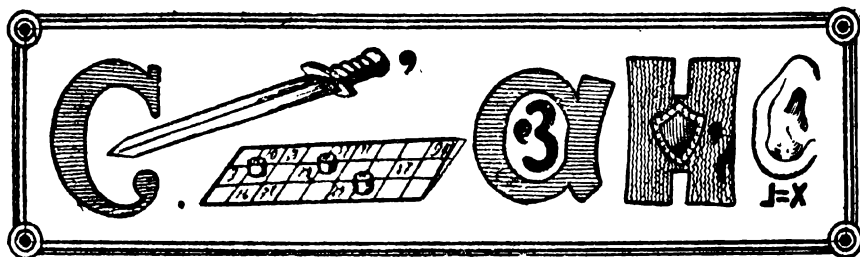
Слева направо, сверху вниз. 1. Государство народной демократии в Восточной и Центральной Азии. 2. Площадка для катания на коньках. 3. Лесная птица, кладущая яйца в чужие гнёзда. 4. Сборник условных обозначений, применяемых для шифрования. 6. Отрицательный электрод. 10. Цилиндрический металлический стержень, с помощью которого настраиваются струны в музыкальных инструментах. 11. Хищный зверёк с

ценным мехом (сибирский хорёк). 14. Изделие из луба или берёсты в виде прямоугольного ящика или корзины. 15. Тяжёлый клинообразный топор с тупым лезвием. 16. Очерченное место, куда ставятся рюшки, «город».

Слева направо, снизу вверх. 5. Самое крупное млекопитающее. 7. Центральный персонаж в произведении А. Серафимовича «Железный поток». 8. Предмет, часто служащий призом в спортивных соревнованиях. 9. Большой круглый хлеб. 12. Постель на корабле. 13. Сплетение из волокон, которым окружает себя гусеница, превращаясь в куколку. 17. Соцветие злаков. 18. Плод тропической пальмы. 19. Русская народная сказка. 20. Геометрическое тело.

## РЕБУС

(Составила Аля КУШНИРЕНКО, 283-я школа)



Разгадав ребус, вы прочтёте начало старой революционной песни.

## КРИПТОГРАММА

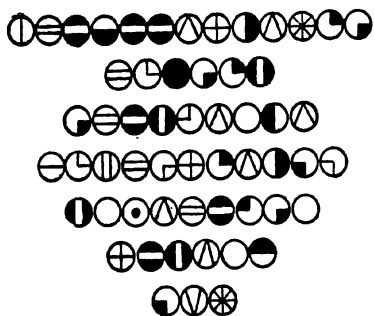
(Составил Э. ЕРШОВ)

В этой криптограмме зашифрованы замечательные слова великого русского учёного А. С. Попова, столетие со дня рождения которого отмечала 16 марта наша страна.

Чтобы прочесть криптограмму, достаточно отгадать семь слов, изображённых ниже с помощью тех же значков, которые приняты в криптограмме.

Значение ключевых слов:

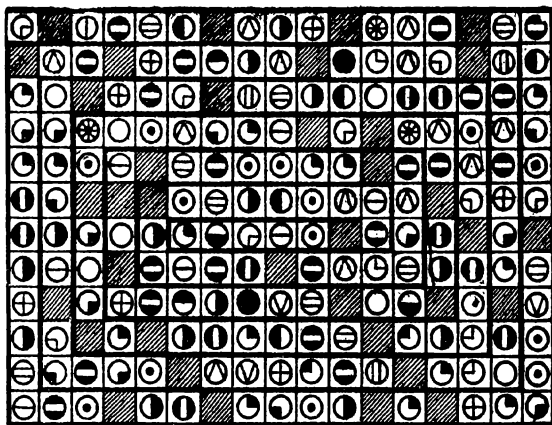
1. Сконструированный А. С. Поповым прибор для регистрации гроз по электрическим зарядам; этот прибор был первым в мире радиоприёмником.
2. Ближайший помощник великого учёного, позднее — известный советский радиотехник.
3. Город, где работал преподавателем в минной школе А. С. Попов.
4. Прибор, преобразующий переменный ток в постоянный.
5. Установка приёмника для приёма определённой станции.
6. Сборка радиоаппаратуры.
7. Марка советского телевизора.



Можно прочесть криптограмму, отгадав только некоторые из этих слов, но это будет потруднее...

## ЗАДАЧА - ШУТКА

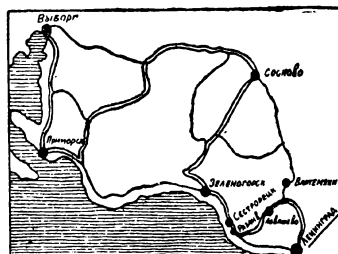
Если от названия высочайшей вершины Кавказа (в котором, как известно, семь букв) отнять одну букву, то получится название горы в Австралии, состоящее из... четырёх букв!



## Проверь себя

(Ответы к «Искорке» №№ 2 и 3)

ЛЕНИНГРАД — ВЫБОРГ



Маршрут похода указан на рисунке двойной линией.

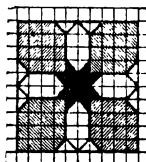
### ЯКОРЬ

1. Ванты.
  2. Атака.
  3. Вахта.
  4. Штиль.
  5. Помпа.
  6. Якорь.
  7. Север.
- В выделенной вертикали — Нахимов.

### КРОССВОРД «ЗАБОР»

- По вертикали: 1. Фуко. 2. Азов. 3. Сено. 4. Клад. 5. Аида. 6. Удар. 7. Гора. 8. Олег. 9. Лапа. 10. Шпат. 11. Рать. 12. Ашуг. 13. Моро. 14. Утюг. 15. Жало. 16. Урал. 17. Мазь. 18. Удод. 19. Сова.
- По горизонтали: фаска, угол, шрам, уж, ум, ус, узел, идол, апаш, отара, до, кон, Ада, репа, тир, юла, зов, овод, ара, гать, Гоголь, да.

### МОЗАИКА



Решение смотри на рисунке.

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

Где родился Ленин. Поэма Юрия Яковлева .....	1
Вихорок. Рассказ Павла Ткачёва .....	5
Загадки .....	8
Скворцы. Весна. Осень. Стихотворения М. Сазонова	9
Твой брат. Повесть Л. Видгопа и Я. Сухотина.....	10
Апрель. Стихотворение В. Верховского .....	20
Ворона-дирижёр. Стихотворение В. Николаева ....	21
Творчество юных: Первомай. Стихотворение Раи Фёдоровой; «Аврора». Стихотворение Владимира Горкинского; Первая борозда. Стихотворение Саши Сегалы .....	22
Царская пуговица. Быль. Валентин Пикуль .....	23
Железный великан. Сказка Б. Копальгина .....	30
Проштрафился! Рассказ в рисунках К. Бекташева ..	33
Рассказы геолога. Записки Петра Сигунова .....	34
Ребята. Огни. Стихотворения К. Овечкина .....	38
Завтра нашей Родины. Зазвонил телефон. Статья А. Томилина .....	39
Ребятам - октябрятам. Необычная дружба. Быль. П. Рунец .....	43
Приключение с Виктором. Окончание повести Кар- ла Фекена .....	46
Клуб смекалистых ребят .....	62

На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева.

На второй странице обложки — новая скульптура «Ленин и дети». Фото Н. Карасёва.

На третьей странице обложки — изоочерк «Путевые зарисовки».

На четвёртой странице обложки — «Зазнайка наказан». Рассказ в рисунках К. Бекташева.

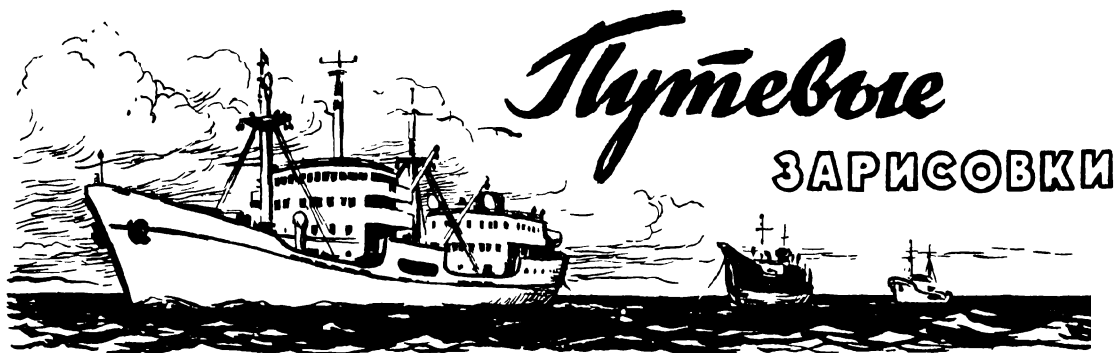
Редактор **М. С. ЗЫКОВА**

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57, Тел. А-4-48-51.

---

Сдано в набор 17/III. Подписано к печати 11/IV 59 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,69.  
М-21713. Зак. № 443. Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57



# Тутевые ЗАРИСОВКИ

1.

Таяли в туманной дымке очертания родной земли.

Каравану кораблей в составе дизель-электрохода «Краматорск», плавмастерской «Нева» и морского буксира «Орёл» предстояло проделать огромный путь от Калининграда до далёкого китайского порта Лян-Юнь-Гана и дальше во Владивосток. Вместе с командами кораблей отправились в путь и четверо ленинградских студентов Института имени И. Е. Репина Академии художеств СССР: Дмитрий Арсенин, Юрий Дорий, Михаил Казанский и Альберт Князев.

Шли корабли, останавливались в портах, и в альбомах художников появлялись всё новые и новые зарисовки.

2.

Вот и Гибралтар — ворота из Атлантического океана в Средиземное море. С левого борта видна Европа, с правого — Африка.



Порт Гибралтар — английская военно-морская база. Расположен он в южной части Пиренейского полуострова, и от территории Испании порт отделяет только узкая полоска земли, на

которой англичане расположили аэродром. У подножья скалы расположился город и порт, а противоположная часть скалы представляет собой огромный водосток для сбора дождевой



воды. Других источников пресной воды в Гибралтаре нет.

3.

Ежедневно десятки судов проходят из Средиземного в Красное море по Суэцкому каналу. В Порт-Саиде расположено здание Управления Суэцким каналом. Дальше за ним хорошо видны кварталы новых домов, недавно построенных для рыбаков. Вдоль набережной тянутся магазины и кафе. Ночью здесь всё залито голубым светом реклам. А днём хорошо видны с корабля пальмовая аллея и ажурная чугунная ограда, протянувшаяся на несколько километров.

4.

В Порт-Саиде за нами всюду следовали арабские ребята. Они показывали нам достопримечательности города, фотографировались и очень старались, чтобы мы у них в гостях не скучали.

Когда мы покидали Порт-Саид, в хоре мужских голосов слышались и детские:

— Москва — хорошо!  
— Русские — хоро...о!



Цена 1 рубль

# З А З Н А Й К А   Н А К А З А Н

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

